

STUDI ITALIANI

ДЖОВАННИ
ЛЕВИ

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ
НАСЛЕДИЕ

Карьера одного
пьемонтского
экзорциста XVII века

Studi italiani

Джованни Леви

**Нематериальное наследие.
Карьера одного пьемонтского
экзорциста XVII века**

«НЛО»

1985

УДК 94(450)«1697»
ББК 63.3(4Ита)51

Леви Д.

Нематериальное наследие. Карьера одного пьемонтского экзорциста XVII века / Д. Леви — «НЛО», 1985 — (Studi italiani)

ISBN 978-5-4448-2124-4

1697 год. В небольшой пьемонтской деревне арестован Джован Баттиста Къеза — священник, занимавшийся массовыми изгнаниями бесов вопреки указаниям архиепископа. Осуждение и последующее исчезновение главного героя становятся отправным пунктом исследования, в котором история отдельной жизни соотносится с общими теоретическими концепциями, выдвинутыми учеными применительно к XVII веку. Джованни Леви — один из основоположников микроисторического подхода — подробно реконструирует биографии всех жителей деревни, оставивших документальный след, и с помощью этих материалов предлагает по-новому истолковать важные аспекты европейской жизни раннего Нового времени — от механизмов функционирования земельного рынка и семейных стратегий до формирования местной политической прослойки и культурной характеристики противоборствующих социальных групп. История Джован Баттисты Къезы показывает, что одной из ключевых проблем повседневной деревенской жизни при Старом Режиме было сохранение нематериальных ценностей при смене поколений: власти, престижа, должностей, профессиональных навыков. На этом примере автор демонстрирует, как много определяющих для развития общества событий случаются в тот момент, когда, на первый взгляд, в жизни людей ровно ничего не происходит. Джованни Леви — итальянский историк, почетный профессор Университета Ка' Фоскари.

УДК 94(450)«1697»

ББК 63.3(4Ита)51

ISBN 978-5-4448-2124-4

© Леви Д., 1985

© НЛО, 1985

Содержание

Сокращения	7
Сравнительная таблица мер и весов	8
Введение	9
Глава первая	14
Глава вторая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Джованни Леви
Нематериальное наследие. Карьера одного
пьемонтского экзорциста XVII века

Giovanni Levi

L'eredità immateriale. Carriera di un esorcista nel Piemonte del Seicento

© G. Levi, 1985, 2023

© М. А. Юсим, перевод с итальянского, 2023

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

Сокращения

ААТ – Архив Туринского архиепископства
АPSSPP – Архив прихода свв. Петра и Павла в Сантене
АССС – Исторический архив коммуны Кьери
АСТ – Государственный архив Турина

Сравнительная таблица мер и весов

Меры площади (на селе):

джорната = 100 тавол; тавола = 12 пьеде;

джорната = 38,104 ара; тавола = 0,381 ара; пьеде = 0,0318 ара.

Меры объема (сыпучих тел):

сакко = 5 эмин;

сакко = 138,33 литра; эмина = 23,055 литра.

Меры объема (жидкостей):

карра = 10 брент;

карра = 493,07 литра; брента = 49,31 литра.

Меры веса:

руббо = 25 лир (фунтов); лира = 12 унций;

руббо = 9,222 килограмма; лира = 0,360 килограмма;

унция = 30,74 грамма.

Мера объема дров, используемая в нотариальных актах Сантены, отличается от той, которая была в ходу в Туринской провинции. 1 карра соответствует 4 м^3 . См.: *Borghino B. Tavole di ragguaglio da un sistema all'altro dei pesi e delle misure degli Stati di S. M. in Terraferma, pubblicate dal Governo nel 1849... con tutte le aggiunte e correzioni contenute nel volume pubblicato con R. Decreto del 5 maggio 1871. Torino, 1853.*

Все цены указаны в пьемонтских лирах:

пьемонтская лира = 20 сольди; сольдо = 12 денари.

Введение

Крестьянское общество при Старом режиме со временем претерпело существенные изменения. Области, в которых они оказались наиболее заметными, – это, вероятно, техническое совершенствование и религиозная повседневность. Именно здесь чаще всего происходили неожиданные и резкие скачки. Впрочем, структура семьи, общинный быт, политическая жизнь, хозяйственные стратегии и демография столкнулись с переменами, которые из отдаленной перспективы выглядят огромными. При всем том весьма распространено представление, согласно которому это был неподвижный, замкнутый, консервативный, отгораживающийся от внешних сил мир, населенный людьми, по сути дела лишенными собственной инициативы и способными лишь к упорному и трудному приспособлению вкупе с отстаиванием своего понимания целесообразности, постепенно устаревавшего и терявшего смысл.

В действительности же солидарность и конфликтность переплетаются, что усложняет построение аналитических моделей. Внутри крестьянской общины, как и городской народной массы, происходят разнообразные и неустойчивые процессы расщепления и дробления. Здесь неприменим идиллический образ солидарного и бесконфликтного общества, притом что определенная культурная однородность, по всей видимости, в данном случае присутствовала, в особенности проявляясь в моменты открытых столкновений с правящими классами и с внешней средой. В создаваемых историками и антропологами моделях, как, видимо, и следовало ожидать, использовались определения, сводящие типы поведения к единому объяснительному принципу. Как следствие, они часто балансируют между богатой и внятной, но неподвижной характеристикой народной культуры и картиной, безнадежно лишенной цельности уже хотя бы в силу скудости заложенных в этих дефинициях социальных и экономических принципов.

Особенно существенны, в силу своей значимости для исторической полемики, два примера. Так называемая моральная экономика трудящихся классов порождает сложную культурную парадигму, в которой интересы общества превалируют над безличными экономическими правилами, а голодные бунты умеряют аппетиты спекулянтов и скупердяев¹. Противоположной, хотя она применима к совершенно другим ситуациям, можно назвать характеристику народной культуры, проникнутую представлениями о неизменности и ограниченности наличных ресурсов. Экономический рост невозможен, и всякая операция по распределению богатств неизбежно сопровождается чьим-то обнищанием на фоне обогащения кого-то другого. Такое положение вещей ведет к обескровливающей войне всех против всех, постоянной напряженности и всеобщему недоверию².

К этим моделям, особенно к фундаментальной модели Томпсона, мы будем постоянно обращаться на протяжении книги. Тем не менее и на них лежит налет консерватизма. Они выглядят как поведенческие и когнитивные модели поведения, разделяемые вполне однородными социальными группами. Кроме того, они полемически заострены против главного противника – широко распространенного телеологизма, который приписывает торжество экономической целесообразности, прежде спорадической и малозаметной, лишь рыночному миру капитализма.

Изученная в этой книге реальность подсказывает другую поведенческую модель и иную перспективу, которые не связаны с идеей медленного угасания социальной системы на фоне

---

¹ Я имею в виду работу: *Thompson E. V. The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century // Past and Present. Vol. 50 (1971). P. 76–136* (итал. пер.: *Società patrizia, cultura plebea. Otto saggi di antropologia storica sull'Inghilterra del Settecento / A cura di E. Grendi. Torino, 1981. P. 57–136*).

² *Foster G. Peasant Society and the Image of Limited Good // American Anthropologist. Vol. 67 (1965). P. 293–315; Idem. Tzintzuntzan: Mexican Peasants in a Changing World. Boston, 1967.*

агрессивной консолидации централизованной власти абсолютистского государства и расширения рыночных отношений. Здесь рассматривается фаза конфликта, после которой как местный социум, так и центральная власть не остаются прежними. Это не только проблема интерпретации. Существующие объяснения выводят механизм социальных изменений, разрушивших феодальную систему, исключительно из внешних по отношению к небольшим и уязвимым сельским общинам причин. При этом подобные интерпретации способны отразить разнородность результатов этого процесса лишь прибегая к предположению, что приспособление к нему на местах было неодинаковым, поскольку неодинаковы были и исходные условия. Однако это утверждение не решает проблему, а только откладывает ее решение³.

Итак, я попытался исследовать небольшой фрагмент пьемонтской жизни XVII в. путем интенсивной реконструкции биографии каждого из обитателей деревни Сантена, кто оставил документальный след. В далекой перспективе все личные и семейные стратегии, по-видимому, выглядят размытыми и сливаются в контексте общего относительного баланса сил. Но степень участия отдельного человека в истории, в формировании и изменении несущих структур социальной действительности трудно оценить лишь по видимым результатам. Течение индивидуальной жизни периодически порождает проблемы, неуверенность, необходимость выбора, политику повседневности, которая строится на стратегическом использовании социальных правил.

Возникающие конфликты и противоречия сопровождаются постоянным формированием новых уровней равновесия, непрочных и подверженных новым сломам. Обычно мы смотрим на эти общества издали: мы обращаем внимание на конечный результат, который часто не зависит от личных усилий людей, выходит за рамки их жизни. Нам кажется, что диктат государства Нового времени преодолевает слабое и в конечном счете несущественное историческое сопротивление. Однако это не так: в пространствах, не занятых устоявшимися или формирующимися нормативными системами, отдельные лица и группы разыгрывают собственные немаловажные стратегии, накладывающие на политическую действительность заметный отпечаток, не ставя под сомнение властные модели, но влияя на них и их видоизменяя.

---

³ Распространенные рассуждения о рождении современного государства часто основываются на перспективе глобализации, которая недооценивает роль локальных обществ и реалий в формировании политических особенностей национальных структур. Это происходит не только в процессе объяснения эволюционного развития, рассматривающем образование государств как единую стадию модернизации (например: *Parsons T. Societies, Evolutionary and Comparative Perspectives*. Englewood Cliffs, 1966; итал. пер.: Bologna, 1971). Некоторые авторы, подчеркивая постепенный характер расширения государственной монополии на власть и социального контроля, полагают, что центральная власть была в состоянии осуществлять единообразное и единообразующее господство. Изменение роли разных общественных классов происходило преимущественно в статических формах (например: *Stone L. The Crisis of the Aristocracy, 1558–1641*. Oxford, 1965; итал. пер.: Torino, 1972). Другие авторы видели главное объяснение перемещения отдельных наций в центр или на периферию сложной системы эксплуатации в развитии мирового капиталистического рынка; таким образом, они склонны полностью отрицать значение местных различий, которые не зависят от чисто внешних факторов и связаны с внутренней социальной структурой (например: *Wallerstein I. The Modern World-System. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. New York, 1974; итал. пер.: Bologna, 1978). Я хочу подчеркнуть прежде всего тот факт, что структуры, используемые новыми государственными образованиями в фазе перехода от феодализма к капитализму, в своем дальнейшем политическом развитии в значительной степени зависели от того, каким образом крестьянские сообщества на местах реагировали на развитие рынка и системы удержания, перераспределения и контроля центральной власти. В этом направлении движется Ч. Тилли в статьях, собранных в томе: *Tilly C. The Formation of National States in Western Europe*. Princeton, 1975 (итал. пер.: Bologna, 1984); и еще более явственно Б. Мур: *Moore jr. B. Social Origins of Dictatorship and Democracy. Lord and Peasant in the Modern World*. Boston, 1966 (итал. пер.: Torino, 1969): переплетение процессов централизации и конфликтов социальных групп становится основным механизмом, дифференцирующим и характеризующим политические системы. Сила государства вытекает из функции контроля, которую господствующие классы могли и должны были передоверить центральной власти в силу своей главенствующей роли и экономических задач. Однако при этом недооценивается огромное разнообразие ситуаций на периферии, где государству необходимо осуществлять власть, а также вытекающие отсюда обстоятельства. Роль посредников между периферией и государством, которую выполняли местные нотабли, является важнейшим аспектом политической жизни многих современных наций, и это один из сюжетов данной книги (см. отличную обобщающую работу: *Torre A. Stato e società nell' Ancien Régime*. Torino, 1983).

Таким образом, отправной гипотезой для меня послужило допущение, что крестьянский мир обладал своей особой рациональностью, но не в том смысле, что эта культурная реальность не осознавала угрозы со стороны сложных социальных структур, неизбежно и шаг за шагом стягивающих на ней петлю. Подобную рациональность можно описать более точно, если предположить, что она проявлялась не только в сопротивлении все более влиятельному новому обществу, но и в активном преобразовании и использовании природного и социального мира: я применил слово «стратегия» именно в этом смысле.

Речь идет об избирательной рациональности: слишком часто сегодня или в прошлом интерпретация групповых или индивидуальных систем принятия решений основывалась на функционалистской или неоклассической схеме. Максимизация заданных результатов и минимизация расходов, возможность приложения всех усилий для достижения цели, отсутствие инерции, игнорирование логики, согласно которой формулировались цели взаимодействия индивидов, и специфики контекстов, совпадение интересов и психологических механизмов представителей всех социальных групп, абсолютная доступность информации – все эти упрощения действительности с неизбежностью механистически искажают отношения между индивидами и нормами, между принятием решения и действием. В рассказанной здесь истории применяются другие объяснительные категории: неоднозначность правил, необходимость сознательного принятия решений в условиях неопределенности, ограниченный объем информации, позволяющий тем не менее действовать, психологическая склонность упрощать механизмы причинности, которые считаются важными с точки зрения их влияния на поведение, и, наконец, осознанное использование нестыковок в системах правил и санкций. Избирательностью и ограниченностью рациональности объясняется индивидуальное поведение как результат компромисса между субъективно желаемыми и социально востребованными поступками, между свободой и принуждением. Несогласованность правил, двусмысленность языка, взаимное непонимание социальных групп или индивидов, немалая роль инерции, вызванной предпочтением, отдаваемым привычному ходу дел, и издержками, вытекающими из решений, принятых в условиях чрезмерной неопределенности, не препятствуют тому, чтобы считать это общество всесторонне активным и сознательным, а социальную систему – результатом соотношения поступков и решений, принятых в рамках полноценной, но усеченной рациональности⁴.

Итак, я выбрал заурядное местечко и ничем не примечательную историю. Сантена – маленькое селение, Джован Баттиста Къеза – заклинатель бесов, в общем, малообразованный человек. Однако именно благодаря обыденности цепи событий в жизни группы лиц, событий, имеющих локальное значение, но зависимых от экономических и политических реалий, которые находились вне пределов досягаемости самих людей, мы можем выявить комплекс проблем, связанных с мотивацией и стратегией политического действия. Речь идет не о явном бунте, остром кризисе, закоренелой ереси, судьбоносном нововведении, а о политической реальности, социальных отношениях, экономических правилах, психологической атмосфере самого обыкновенного места, которые позволили мне, как я надеюсь, показать, сколь много случается важного в тот момент, когда кажется, будто ничего не происходит. Я имею в виду повседневные стратегии в одном из сегментов крестьянского мира в XVII в. Они связаны с общими проблемами и темами, а также позволяют поставить под сомнение ряд общеизвест-

⁴ Критика теорий оптимизации как приемлемой объяснительной модели поведения породила за последние годы огромную литературу, на которую здесь даются ссылки. В особенности см.: *Simon H. Models of Thought*. New Haven, 1979; *Leibenstein H. Beyond Economic Man. A New Foundation for Microeconomics*. Cambridge (Mass.), 1976; *Idem. General X-Efficiency Theory and Economic Development*. New York, 1978. С точки зрения неопределенных ситуаций и некоторых достаточно отдаленных аналогий с рассматриваемыми здесь крестьянскими реалиями большой интерес представляют работы: *Roumasset J. A. Rice and Risk. Decision Making Among Low-income Farmers*. Amsterdam, 1976 (в частности: P. 1–47); *Barlett P. F. Agricultural Choice and Change. Decision Making in a Costa Rican Community*. New Brunswick, 1982. Наконец, о проблеме в целом см. сборник статей: *Uncertainty. Behavioral and Social Dimension* / Ed. by S. Fiddle. New York, 1980.

ных гипотез, возникших в силу более отстраненного и менее микроскопического взгляда на предмет исследования.

Пройденный мной путь позволил рассказать о событиях в локальном контексте. Я использовал материалы, содержащие обычные данные по массовой просопографии: приходские регистры, нотариальные акты, кадастровые записи и отдельные административные документы.

Церковная история была предметом, но одновременно и поводом для реконструкции социальной и культурной атмосферы местечка. Она обретает значение, связанное с конкретным функционированием общих законов в частных условиях и позволяющее выявлять константы и проводить сравнения. Смысл самих документов меняется, теряется их очевидность, становится понятно, что их непосредственное и буквальное истолкование извращает их функцию в информационной цепи, которую нельзя произвольно прерывать: соотнесение нотариальных актов с одной-единственной нуклеарной семьей умалчивает о комплементарных стратегиях родовых коалиций, не сосредоточенных в одном месте. Купля-продажа земли, воспринимаемая как выражение безличных рыночных отношений, скрывает правила взаимобмена, создающие предпосылки для сделок.

Эта совокупность контекстов, соотношение правил и поступков, социальных структур и их отображений в письменных источниках, дословных формул документов и документальных серий играют, как мы увидим, немаловажную роль в истории Джован Баттисты Къезы.

Ход исследования оказался для меня важнее изложения фабулы событий: поставленные мной вопросы выходят за рамки обыденности тех происшествий, которые послужили канвой рассказа. Первая глава посвящена кульминационному пункту истории, охватывающей тридцать лет. Идейно бедная проповедь и внешне ничем не обоснованное воодушевление крестьян побуждают поставить сложные проблемы, связанные с когнитивной ориентацией, объяснением причинности, психологическими особенностями понимания святости, власти, социального, экономического и демографического кризиса.

Вторая и третья главы посвящены структурному описанию семейных стратегий и отношения к земле и к ее коммерциализации. Эти два важнейших аспекта иллюстрируют зависимость экономических реалий от социальной обстановки.

Впрочем, структуры не объясняют событий и поведения. В лучшем случае они описывают основные характеристики культуры, ценности, общие и вероятные оценки. Следовательно, необходимо было выйти за рамки статичного описания общества, в результате чего стала очевидна весомость социальных связей в хозяйственных операциях, значимость системы межличностных отношений как основы социальной динамики – в большей степени, чем их конкретных проявлений.

Предмет четвертой главы составляют система господства и переживание общего кризиса феодальных отношений внутри абсолютистского государства и его новых институтов. Документы возвращают нас на пятидесятилетие назад: власть и властные механизмы социальной интеграции показаны через события жизни и деятельности Джулио Чезаре Къезы, судьи и нотариуса Сантены, отца Джован Баттисты. Хрупкая конструкция горизонтальных межсословных связей и вертикальных отношений между группами и клиентами непрерывно разламывается и перестраивается в ходе конфликта юрисдикций, в котором сталкиваются запросы, стратегии, волеизъявления синьоров, монархии, городов, деревни, нотаблей и крестьян. Политическая легитимность местного посредника основана на неустойчивом равновесии непримиримых интересов, неясных перспектив, личного престижа.

Когда в пятой главе речь снова заходит о Джован Баттисте, события, предшествующие его проповеди и его судебному процессу, уже приобретают новое значение. Своими представлениями о власти, о переходе отцовского авторитета в некое нематериальное наследие он также обязан жизненным устоям деятельного и сведущего крестьянского сообщества. Побеж-

денное городом Кьери, властями и архиепископом Турина, оно, в результате сложноустроенных вражды и соглашений между феодалами, тем не менее переживает длительный период независимого политического роста. Крестьянское сообщество оказалось в центре необычных событий, связанных со сверхъестественными силами как частью идеологической системы, образа действий и принятия решений. И снова соотношение веры и поступка неоднозначно: невзыскательная проповедь Кьезы имела успех не потому, что соответствовала незыблемой и устоявшейся системе определенных идей и ценностей, а потому, что предлагала данной группе крестьян в разгар военных действий возможность выстроить свое поведение вокруг двусмысленных поверий и неоднозначной фигуры проповедника⁵. Столкнувшись с проблемами, порожденными историческими трансформациями вер и идеологий, властных и политических отношений, я попытался показать неустойчивость индивидуальных предпочтений, институциональных устоев, социальных ценностей и иерархий. В общем, речь идет о политическом процессе, порождающем перемены, направление которых не всегда можно предугадать, поскольку оно зависит от контактов между активно действовавшими личностями.

В обсуждении рукописи этой книги принимали участие многие мои друзья. Прежде всего я хочу поблагодарить Луизу Аккати, Карло Гинзбурга и Эдоардо Гренди, которые согласились прочесть и перечитать текст, а также посвятили немало времени не только исправлению ошибок и неточностей, но и мудрому развенчанию некоторых выношенных мной убеждений. Благодарю студентов филологического факультета Туринского университета, участников семинара 1978–1979 гг., с которыми я начинал свое исследование: Лучано Аллегру, Марию Карлу Ламберти, Сандро Ломбардини, Сильвану Патриарку, Франко Рамеллу, Анджело Торре и Симону Черрути, прочитавших первый вариант рукописи и подвергших ее суровой и неравнодушной критике – я попытался ее учесть.

Окончательная редакция монографии восходит в основном к 1983–1984 гг., когда я был стипендиатом Принстонского института перспективных исследований (Princeton Institute for Advanced Study). Несмотря на принадлежность к цеху историков, я был принят в Школе социальных наук, что позволило мне работать и беседовать с коллегами, представляющими разные дисциплины, в частности с Филом Бенедиктом, Клиффордом Гирцем, Марчелло Де Чекко, Акселем Лейонхуфвудом, Дональдом Мак-Клоски, Тео Руисом, Джерри Сейгелем, Джиллиан Фрили, Альбертом Хиршманом, Джоном Элиоттом. Находившийся в Принстоне Марино Беренго внимательнейшим образом прочитал книгу и высказал много полезных замечаний.

Главы о семьях и о земельном рынке подверглись особенно подробной критике в ходе частных и семинарских дискуссий. Таким образом мне посчастливилось получить ценные замечания Леноры Вейцман, Паскуале Виллари, Стюарта Вульфа, Андреа Гинзбурга, Жерара Делилля, Натали Земон Дэвис, Грегори Кларка, Лори Нуссдорфера, Марты Петрусевич и Мориса Эмара. Херберт Хамбер провел много часов, составляя вместе со мной графики для третьей главы монографии.

Эту книгу я посвящаю моему отцу Риккардо: идея рассказать историю Джован Баттисты Кьезы возникла во время нашего разговора о том, что важно и неважно при написании биографии.

---

⁵ О соотношении системы принятия решений с религиозными верованиями см.: *Brown P. Society and the Holy in Late Antiquity. Berkeley, 1982.*

Глава первая

Массовые изгнания бесов: судебный процесс 1697 г

1. Мы не можем точно установить, когда именно Джован Баттиста Кьеза, приходской викарий Сантены, вступил на поприще заклинателя бесов и целителя⁶. Однако не прошло и месяца с того момента, когда его проповедь стала активной и регулярной, как он получил предписание каноника Джован Баттисты Бассо, апостольского протонотария и генерального викария туринского архиепископа. Кьеза должен был отправиться в город и воздержаться от заклинания бесов до того, как поступит разрешение архиепископа. Это случилось 13 июля 1697 г. «Когда я прибыл, – расскажет Кьеза на судебном процессе четыре месяца спустя, – вместе с синьором доном Витторио Негро, капелланом названной Сантены, к нам присоединилась большая толпа народа, и по пути она все увеличивалась. Среди них было много увечных, хромых, горбатых и других недужных, и телега или двуколка, нагруженная костылями и подпорками». Джован Баттиста ехал перед ней верхом на лошади и по прибытии к архиепископству был сразу допрошен каноником Бассо, в то время как его приверженцы осаждали дворец. «Их синьоры, – продолжает свой рассказ викарий, – дабы побудить толпу, окружавшую дворец, разойтись, велели мне укрыться частным образом в доме Его Сиятельства синьора маркиза Таны, патрона названной Сантены, и само Его Преосвященство отправило меня в дом названного синьора маркиза в своих носилках, чтобы избавить меня от осады и от этой толпы, и их синьоры посоветовали мне укрываться, пока меня не позовут, и действительно, через три дня после вечерни меня вызвали». На протяжении этих трех дней Джован Баттиста прятался в Турине, во дворце, построенном для себя маркизом Федерико Таной, кавалером св. Аннунциаты, в 1662 г. на северной стороне площади Сан-Карло⁷.

Однако на сей раз допрос был куда более пристрастным и на нем присутствовали, кроме каноника Бассо, «высокопреподобный отец инквизитор и отец викарий Святой канцелярии, синьор богослов Карроччо и каноник кафедрального собора Вола, высокопреподобный отец Вальфре из конгрегации св. Филиппа, высокопреподобный отец Прована из Общества Иисуса и высокопреподобные отцы Чиприано и Илларио из церкви Сан Микеле делла Реденцьоне де' скьяви, отец Дамиано из церкви Мадонны дельи Анджели, синьор дон Червоне, приходской священник церкви Санта-Кроче, и еще другие, не помню точно»⁸. Как видим, дело вызвало шум: высшие чины туринского диоцеза собрались, чтобы выяснить, «какого образа действий

---

⁶ Вся документация, относящаяся к деятельности Дж. Б. Кьезы между 1694 и 1697 гг., находится в: AAT 19, 154, Atti criminali, *Del Fisco Arcivescovile di Torino et il Signor Dom Chiesa curato di Santena*, 1697. Процесс шел в церковном суде Туринского диоцеза, однако проходил под контролем инквизиции. В письме от 7 сентября 1697 г. из Рима кардинал Чибо одобряет отстранение Кьезы от должности викария настоятеля и требует прислать в Рим, в священную Конгрегацию Святой канцелярии, копию протоколов процесса.

⁷ Маркиз Федерико Тана был губернатором Турина с 1683 г., назначен подполковником со званием полковника в 1690 г. (AST, общий раздел, *Patenti controllo finanze*, указатель А и В). Он получил одну восьмую феода Сантены. Когда 14 ноября 1690 г. он умер, феод и дворец перешли к его старшему сыну Карло Джованни Баттисте. По поводу семейства Тана см.: *Bosio G. Santena e i suoi dintorni. Notizie storiche*. Asti, 1864. P. 136–170; *Manno A. Il Patriziato subalpino. Notizie di fatto, storiche, genealogiche, feudali ed araldiche desunte da documenti*. Vol. 2. Firenze, 1906 (со многими неточностями).

⁸ Наиболее известным персонажем является, несомненно, Себастьяно Вальфре, член ораторианской конгрегации св. Филиппо Нери, один из законодателей религиозной политики и инициаторов репрессий против вальденсов в последней четверти XVII в., в правление Витторио Амедео II. См. о нем: *Vita del Venerabile Servo di Dio P. Sebastiano Valfré della congregazione dell'Oratorio di Torino, raccolta dai processi fatti per la sua beatificazione*. Torino, 1748; *Capello R. Della vita del B. Sebastiano Valfré confondatore della torinese congregazione dell'Oratorio di San Filippo Neri con notizie storiche de' suoi tempi*. Torino, 1872. Примечательна также фигура падре Луиджи Прованы, ректора Коллегии нобилей в Турине, см.: *Monti A. La Compagnia di Gesù nel territorio della provincia torinese*. Vol. 1. Chieri, 1914. P. 219–220. По поводу Иньяцио Карроччо см.: *Orazione funebre alla memoria dell'illustrissimo e reverendissimo signor Abate Ignazio Carroccio, preposito della metropolitana di Torino e vicario generale dell'abbazia di San Michele della Chiusa*. Torino, 1716.

я придерживался при изгнании бесов и какие избавления произошли, по моим словам, благодаря моим заклинаниям». Джован Баттиста передал книгу под названием *Manuale exorcistarum* («Пособие для экзорцистов»)⁹ и записи, «в которые я заносил все избавления одержимых и пострадавших от порчи, случившиеся на тот момент моими усилиями».

У Джован Баттисты не было никаких теоретических соображений для защиты. Согласно его свидетельству в ходе процесса, перед допросом он заявил: «Я немного поторопился, я винил во всем свое невежество и просил о прощении». Архиепископ и прочие прелаты «выслушали мои оправдания и что я заблуждался больше по невежеству, чем по злему умыслу» и освободили его, даже не отобрав тетрадку, куда он вносил сведения об излеченных им больных.

Можно было бы предположить на основании дальнейших показаний Къезы, что его отстранили от попечения Сантеной, но в приходских записях о регистрации смертей и браков за следующие дни стоит его подпись¹⁰. Ему, разумеется, было запрещено заклинать бесов, однако в целом церковные власти сделали вывод, подтвержденный и письмом Святой конгрегации из Рима, что речь идет о «совершенно невежественном» и бедном деревенском приходском священнике¹¹.

Впрочем, Джован Баттиста не вернулся домой: на следующий день, 17 июля, он проводит обряд изгнания бесов из двенадцати человек в Карманьоле; затем, на три дня исчезнув, он появляется в Виново и возобновляет бурную деятельность, то ли под давлением своих последователей, то ли в надежде, умножив число излечений, узаконить свою практику чудотворства перед лицом церковных властей, проявивших немалую терпимость и нерешительность. Между 29 июня и 13 июля он проводил в среднем чуть более шести исцелений в день; теперь же, между 17 июля и 14 августа, они достигли в среднем восемнадцати в день, то есть целитель работал почти без передышки, и сфера его действий расширилась. В книжечке записи исцелений пунктуально регистрируются уже не только имена пациентов, но и названия болезней, их продолжительность и место жительства вылеченных лиц, причем случаи постоянно становятся все более сложными¹².

Не существует документов, которые позволили бы объяснить, почему образ действий Къезы не повлек нового немедленного вмешательства; быть может, расследование втайне продолжалось; быть может, благодаря протекции семейства Тана на судей оказывалось определенное давление; быть может, наконец, выздоровления были подлинными, что затрудняло вмешательство курии и инквизиции. Однако сельские площади между Къери и Карманьолой бурлили, и угроза беспорядков возрастала. 16 августа Джован Баттиста Къеза был снова арестован, вероятно, тайным образом, поскольку на этот раз о массовых выступлениях в его пользу ничего не известно. Это его последнее появление на свободе. Сколько я ни старался, ни в одном документе, составленном позже протоколов процесса, упоминаний о нем я не нашел.

---

⁹ Ни это, ни следующее указание (*Manuale parochorum et exorcistarum*), ни тексты, которые Къеза, по его словам, скопировал из учебника, не позволили идентифицировать книгу. Несколько лет назад я приобрел в Турине одну книжку, в которой в нескольких местах от руки вписано имя Къезы, но было бы опрометчивым предполагать, что она принадлежала именно Джован Баттисте. Речь идет о работе: *Giustoboni R. A. Il medico spirituale al punto, aggiuntovi in questa impressione dallo stesso autore L'esorcista istruito*. Milano, 1694.

¹⁰ В «*Registrum mortuorum I*» – наиболее полной серии – приходской церкви Сантены Сан-Паоло последняя запись о погребении, сделанная Дж. Б. Къезой, относится ко 2 сентября 1697 г. Через некоторое время новый викарий, Асти, отмечает: «я принял на себя попечение Сантеной по распоряжению синьора настоятеля Брондзини», который был держателем титула без обязательства пребывания на месте и назначал викария.

¹¹ В уже упоминавшемся письме кардинала Чибо от 7 сентября говорится об одобрении решения об отстранении от занятий заклинанием бесов, вынесенного судьей Туринского трибунала, для чего обоснованием послужило невежество Къезы, «хотя ввиду многочисленных исцелений от порчи и других немощей, в том числе застарелых, благодаря его заклинаниям отовсюду к нему стекалась масса народа» (*AAT*, 19, 154, *Atti criminali, Del Fisco Arcivescovile*).

¹² Книжечка (*Ibid*) озаглавлена «*Libro delle liberazioni fatte dell'Anno 1697 in malefici ecc.*». Она состоит из 38 листов, и в ней поименно перечислены 533 подвергшихся лечению между 29 июня и 15 августа.

2. Процесс открывается 16 ноября в присутствии каноника Бассо и преподобного синьора дона Франческо Леонетти, главного налогового прокурора архиепископской курии Турина. К этому времени защита и обвинение подготовили свидетельства в пользу и против обвиняемого: предметом расследования стало не только поведение Джован Баттисты, но и подлинность исцелений, использованные в них приемы, извлеченная из них предположительная выгода. Вот как развивалось следствие.

26 августа дон Джованни Грампино из Турина, настоятель прихода Брикеразуо, по поручению отца генерального инквизитора Турина допрашивает Анну Марию Бруеру из Скаленге, записанную в церковной книге 10 августа как «имеющая увечную ногу». «Около месяца назад, – говорит Анна Мария, девица 28 лет, – у нас прошел слух, что синьор настоятель из Сантены... чудесным образом избавлял слепых, увечных и пострадавших от порчи. Я страдала от увечий в ноге и бедре и с трудом туда доковыляла... придя туда, я побеседовала с сим духовным лицом и рассказала ему о своем недуге и показала свое плачевное состояние. И названный синьор настоятель начертал своим посохом, который был у него в руках, несколько знаков на спине, затем поместил свою ногу мне на шею и распростер меня на земле. Он велел мне выбросить костыль, на который я опиралась, и сказал, что я излечилась... чтобы я достала благословенное вино и наносила его на больные места... Но сколько я так ни делала, по сей день это не принесло мне облегчения, даже напротив, я чувствую себя так же плохо».

Это единственная пациентка Джован Баттисты, опрошенная доном Грампино. Однако 10 августа в Ноне стеклось множество народу из соседних местечек, и это были не только крестьяне и попрошайки, но и многочисленные священники. Как раз последних дон Грампино отыскивал и расспрашивал.

Прежде всего он обратился к богатому священнику из Айраски (имущество которого, по его заявлению, составляло десять тысяч лир) дону Антонио Феррери, сорока пяти лет. «Пожелал и я, – говорит он, – выяснить правдивость слухов и с таким намерением направился туда в сопровождении главным образом моих односельчан». Джован Баттиста Кьеза заклинал бесов в доме приора Ноне, «и туда, из-за большого стечения желающих, мы с трудом могли войти. Свидетельствую, что я видел и слышал, как названный синьор настоятель Сантены изгонял бесов из каждого, кто к нему приходил, и почти всем он говорил, что их угнетают демоны. Он говорил, что демоны укорачивают человеческую жизнь и вместо 400 лет люди сейчас живут не более семидесяти». Еще он сообщает, как Джован Баттиста говорил, «что демоны угнетают большинство тварей и из десяти тысяч созданий более девяти тысяч страдают». Кроме того, рассказывает священнослужитель из Айраски, «посвятив некоторое время изгнанию бесов, он занимался музицированием вместе с другим музыкантом, коего привел для этого с собой»¹³. Наконец, он «распоряжался и на людях говорил со всеми на латинском языке, и его понимали даже слабоумные и дети».

Он упоминает только два исцеления, не включенных в список Кьезы: женщина, внешне здоровая, была избавлена от демонов, хотя и не замечала их присутствия в своем теле; сестра самого священника из Ноне, у которой болела нога, после заклинания смогла ходить без палки.

Дон Джованни Лоренцо Кауда, вице-настоятель церкви в Ноне, живущий, впрочем, в Айраске, тоже задержался в своем приходе по пути в Турин из любопытства и из желания вылечиться от глухоты. Ему было тогда сорок два года, и он был небогат (его имущество составляло 2000 лир). Итак, он попросил у Кьезы провести обряд, дабы попробовать избавиться от проблем со слухом, и Джован Баттиста его провел. Впрочем, это свидетельство туманно: показания дона Кауды противоречивы, и, как часто бывает с тугоухими, позднее он говорил,

---

¹³ На последнем этапе проповеднической деятельности Джован Баттисту сопровождали еще два духовных лица из Сантены, священник дон Витторио Негро и клирик Бьяджо Романо, принадлежавшие к семьям уважаемых нотаблей местечка.

несмотря на мнение своих прихожан, что слышит вполне хорошо: «я всегда чувствовал и чувствую себя прекрасно».

В Вольере был выслушан приходской священник дон Гаспаре Гарис. Он не отправился в Ноне лично, но туда пошли все его подопечные, страдавшие от разных хворей, «каковые все мои прихожане, как мне известно, в настоящее время мучаются теми же недугами... хотя некоторые из них по возвращении говорили, что чувствовали себя несколько лучше». Однако через несколько дней Кьеза снова появился в Ноне, и на этот раз дон Гарис решил побывать на месте («меня побудило любопытство»); на публичные изгнания бесов стекалось «огромное множество народу», и Кьеза «при всех говорил, что Господь создал совершенные творения, но их уродуют дьяволы и нечистые духи, и что большинство тварей, страдающих от болезней, особенно продолжительных, одержимы бесами, и из ста умирающих девяносто убивает Сатана, и что к нему [Кьезе] будут для избавления сходиться люди, одержимые демонами, со всех концов света». В рассказе дон Гариса заметно сильное подозрение, если не сказать полное недоверие; ведь речь шла о расследовании инквизиционного трибунала, так что по сравнению с другими показаниями его позиция более осторожна и двусмысленна: Кьеза «отдавал им приказы на латинском языке из-за угнетавшего их демона, и то были витиеватые речи, хотя перед ним были люди необразованные и неграмотные. В остальном его действия и речи вызывали у меня насмешку, я их не одобрял и им дивился. Как я понял, многие из присутствующих тоже удивлялись, другие говорили, что он безумен, а иные очень его хвалили, а кто говорил, что это великий святой или дьявол».

Дон Гарис тоже рассказывает, что после сеансов экзорцизма Кьеза «принимался играть на скрипке вместе с другим бывшим с ним музыкантом и приказывал названным созданиям, по его словам, избавленным от гнета, плясать и прыгать под их музыку в честь св. Антония и других святых, что те и делали». Помимо этого, он раздавал записки и заклинания против порчи, притом что физически раздачей занималось другое духовное лицо, которое брало за это деньги.

Дон Гарис уже давно был знаком с Джован Баттистой «по случаю совместного обучения в Турине за десять или двенадцать лет до этого... Тогда в голове у него уже бродили, как я думаю, шальные мысли, потому что он мне говорил, что были такие случаи, когда его предки проводили обряды, и что одна служанка или женщина из их домочадцев была одержима бесами, и он нашел записи, что эта бесноватая из их дома убила много детей и быков, и пеленки этих детей и ошейники быков не поместились бы на целой телеге». В ходе процесса об этом ничего не говорилось. Впрочем, Гаспаре Паоло Гарис был на восемь лет моложе Кьезы (ему было тридцать два года), богат, поскольку его имущество составляло десять тысяч лир, и маловероятно, что он водил дружбу с настоятелем из Сантены, о занятиях которого в Турине не сохранилось никаких документов, поэтому их отношения не могли быть длительными, если вообще и были.

Как видим, о Кьезе многие отзывались негативно, но при этом остается вопрос: излечивал ли он людей? Дон Джованни Крампино шлет собранные сведения в Турин, и на основании этих материалов начинается подготовка обвинительного заключения против Джован Баттисты. Тем не менее по прочтении собранных показаний было решено продолжить расследование, особенно в отношении заклинаний на животных, о которых, впрочем, тетрадка Кьезы не упоминает. Таким образом, следствие распространяется на новую территорию, где его ведет настоятель Пьетро Франческо Аппендино, приходской священник Пойрино и провикарий, по поручению каноника Бассо, который руководит расследованием.

12 сентября Аппендино допрашивает Эмануэля Маррукко, своего прихожанина, по совету знакомых доставившего в Сантену свою больную лошадь, «подозревая, что она заговорена». Это случилось в июле «на праздник святых Иакова и Анны», но дом Джован Баттисты Кьезы окружала столь многочисленная толпа, что хозяину лошади пришлось ждать весь день и всю ночь, пока до него дойдет очередь. Наконец, на следующий день он дождался приема, Кьеза

осмотрел лошадь и нашел, что на нее наведена порча. Он благословил ее святой водой, затем благословил целое ведро, из которого надо было поить лошадь, и еще дал Эмануэлю латинскую записку, чтобы повесить ее на шею животному на восемь дней; «но видя, что лошади не становится лучше, я потом ее снял»¹⁴. Къеза отказался от денег, которые Маррукко ему предлагал.

Через два дня Аппендино допрашивает другого местного крестьянина, Бартоломео Феа из Изолабеллы. У того тоже заболела скотина, на сей раз осел, «и не будучи уверенным, что болезнь естественная», 20 июля по совету друзей он отвел осла в Сантену. Манипуляции были те же: святая вода, благословение, записка. Однако и в этом случае, «несмотря на названную записку, названная моя скотина по сей день хворает». Къеза не взял денег, но Феа все равно сделал «пожертвование человеку, который служил ему секретарем».

После дополнительного разыскания следствие было окончено, и 16 ноября на основании вышеприведенных свидетельств было составлено обвинительное заключение, в соответствии с которым проводился допрос Джован Баттисты. Инквизиционный трибунал делом непосредственно не занимался, хотя наблюдал за ним и доносил о нем в Рим. Церковный суд Туринского диоцеза пытался решить проблему на административном уровне, мягко и не поднимая шума: случай оказался сомнительным, и речь шла скорее о противозаконном злоупотреблении практикой изгнания бесов, без видимых признаков ереси. Административные меры были приняты, конфискована «Книга избавлений от порчи, совершенных в 1697 году», то есть тетрадка, в которой Къеза подробно перечислял места и случаи исцелений. На тот момент суд ограничился запрещением практиковать экзорцизм и освобождением от обязанностей о попечении душ в Сантене, без существенного стеснения личной свободы.

3. Теперь, однако, стоит вернуться немного назад и проанализировать документы о деятельности викарного настоятеля Сантены. В его книжечке содержатся имена, места жительства и названия болезней 539 человек, над которыми он проводил обряды с 29 июня по 15 августа 1697 г., что позволяет нам проследить за его быстрыми перемещениями и его нарастающей активностью.

Понятно, что проповедь Джован Баттисты Къезы не была изначально сосредоточена вокруг его прихода и не распространялась из него; она развивалась в прямо противоположном направлении, и Сантена оказалась затронутой ею лишь на пике его деятельности. Сведения о занятиях Къезы, предшествовавших тем, о которых сохранились записи в тетрадке, также указывают, что он практиковал, в сущности, за пределами местечка, где был священником¹⁵. Таким образом, благодаря этим записям начиная с конца июня мы можем проследить его наступательную стратегию, в которой Сантена играет роль центра, из которого Джован Баттиста отправляется в свои проповеднические набеги. В последних числах июня он находится в сельской местности между Карманьолой и Раккониджи, на равнине, где изгоняет бесов из двадцати с лишним человек; со 2 по 7 июля с противоположной по отношению к Сантене стороны, на холме, он действует в Момбелло, Монтальдо, Риве и вокруг Къери. 17 июля, после первого перерыва в практике, он оказывается в Караманье, куда был официально приглашен советом

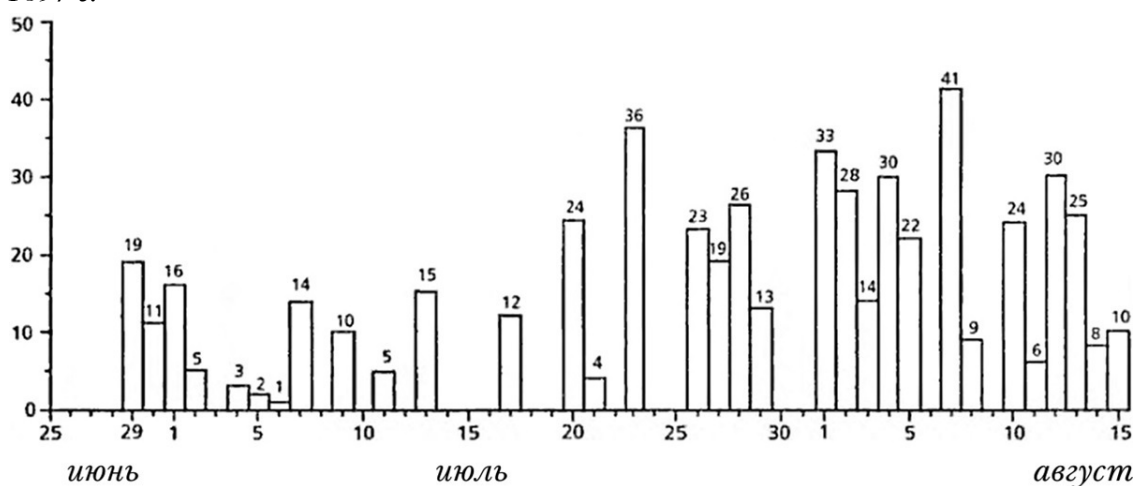
¹⁴ В тексте записки, написанной на латыни, говорится: «Вот Крест Господень; бегите чумы, недруга Христа, сына Божия. Милосердие нам ради пяти ран Христовых, по заступничеству Блаженной Приснодевы Марии, святых апостолов Петра и Павла и других апостолов. Избавь тварей раба твоего от всякой заразы и притеснения Злого Духа. Аминь» (AAT, 19, 154, *Atti criminali, Del Fisco Arcivescovile*. P. 16).

¹⁵ Деятельность Къезы находит аналогию в так называемых местных культах, религиозных феноменах среднего радиуса действия, которые выходят за рамки отдельных общин, но сохраняют локальный характер и характеризуются особой топографией. При этом социальные барьеры в конкретном местечке оказываются преодолены, но связь с местными порядками как таковыми не рвется: зачастую главный герой начинает действовать поблизости от своей деревни, но не в ней самой, хотя и использует прежние социальные каналы. Ср.: *Regional Cults* / Ed. by R. P. Werbner. New York, 1977, в частности: P. IX–XXXVII. См. также: *Turner V. W. Dramas, Fields and Metaphors. Symbolic Action in Human Society*. Ithaca, 1974, однако типологическая направленность этой работы заставляет автора пренебречь сомнительными случаями, подобными тому, что описан здесь.

коммуны, а затем, 20 июля, в Вилланове и в Феррере нелль'Астеджана. Только после этой даты появляются первые вылеченные сантенцы и документы говорят о скоплении людей у его дома. В Сантене он остается с 20 по 22 июля, но затем снова расширяет границы своих действий на склоне холма, обращенном к Асти, и после 22-го находится в Дузино и Виллафранке. Потом он остается в Сантене на протяжении трех дней, в доме, днем и ночью осажденном толпой, которая стекается из соседних деревень. Однако затем он сразу отправляется в путь и спускается на равнину южнее Турина, в сторону Пинероло; здесь он останавливается на два дня по приглашению приходов Ноне, Айраски и Скаленго, в центре более обширной зоны, многие жители которой собираются для лечения или из любопытства. Потом, в продолжение этого маятникового движения, он отправляется в Сан-Дамиано и в Чистерну, в сторону Асти, чтобы немедленно вернуться в Ноне и Виново, где остается на пять дней, а затем еще раз отправляется в Сан-Дамиано. 14 августа круг замыкается в Соммариве и в Черезоле, родной деревне Къезы, и наконец, на следующий день, который стал последним в его свободной практике, он, по всей видимости, появляется в Сантене, где изгоняет бесов из четырех женщин из Гассино, нищего из Лангедока и солдата из Роккафорте в Монрегалезе.

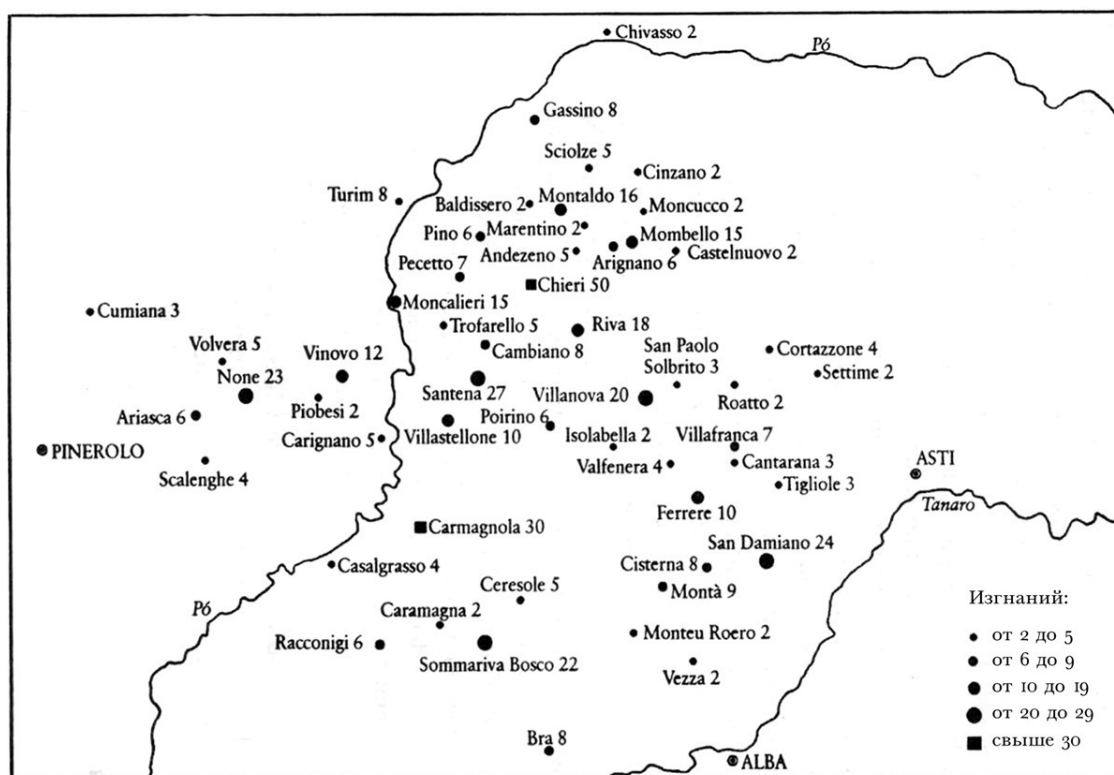
В процессе прохождения по запутанному маршруту, избранному, возможно, из желания быть менее уязвимым для контроля со стороны епископа, а возможно, и из стратегических соображений, Къеза регистрирует излечение 270 женщин и 261 мужчины (пол еще 8 человек установить невозможно), прибывших из группы селений, окружавших его приход. Однако примечательно, что он ни разу не остановился ни в одной из деревень, непосредственно соседствовавших с Сантеной, и действовал в зоне, включавшей Вольверу (5 пациентов), Айраску (6), Ноне (23), Виново (12), Карманьолу (30), Раккониджи (6), Караманью (2), Соммариве Боско (22), Черезоле (5), Монта' (9), Чистерну (8), Сан-Дамиано (24), Виллафранку (7), Пойрино (6), Феррере (10), Вилланову (20), Риву (18), Момбелло (15), Монтальдо (16), Пино (6), Печетто (7), Монкальери (15), Трофарелло (5), Къери (50). В Сантене, Вилластеллоне и Камбьяно, составляющих центр этой зоны, излечений было сравнительно мало; соответственно 27, 10 и 8.

График 1. Изгнания бесов, проведенные Джован Баттистой Къезой с 29 июня по 15 августа 1697 г.

На первый взгляд, невозможно уточнить, к каким социальным слоям принадлежали лица, прибегавшие к описанной терапии: к Къезе обращались богатые и бедные, крестьяне и нищие. Сама краткосрочность практики, по-видимому, не позволяет выявить в массе приверженцев Къезы какую-либо форму социальной поляризации, повторяющую параболу растущего одобрения его деятельности, а затем ее пресечения и изоляции. Впрочем, он говорит о толпах калек и нищих, шедших за ним в Турин в июле. И похоже, что он это делает не только ради пушного

театрального эффекта, но скорее потому, что обращение к нему за помощью на первом этапе, особенно для многих нотаблей, вероятно, отличалось от поддержки его действий после первого ареста, которая означала бы публичное одобрение вопреки запрету архиепископа. В результате подробного анализа событий в рамках более длительного периода, как мы увидим, станет понятен истинный смысл позиций отдельных групп и будет обрисована четкая картина мнений. Разумеется, мы не сможем полностью охватить целые деревни: похоже, что возмущавшее недоверие, заметное в показаниях приходских священников, отличается от настроений, с которыми принимали Къезу в тех приходах, куда он отправлялся. Канал, по которому распространялась слава Къезы, – это рассказы друзей и знакомых, будоражившие и разлагавшие сельскую повседневность. Толпа жаждущих излечения являет пеструю картину пациентов, страдавших от насилия, ревматизма, слабоумия, паралича, потери зрения и слуха. В общем, это ситуация, которая не столько укрепляет, сколько разрушает структуру отдельных крестьянских общин и которая не свидетельствует, за краткое время своего существования, об образовании локальных ритуалов и групп, их институционализации и сохранении. В процесс втягиваются индивиды и их связи, но не возникает новой солидарности, которая могла бы заменить прежнюю, общую для всех и не защищавшую от личных неудач. Однако я постараюсь показать, что если здесь и нет соответствия между символическими представлениями и социальным миром, то поведение участников этой вспышки локальной войны с бесами вытекает из насыщенного контекста копившихся годами страстей и конфликтов, а не только из сиюминутного всплеска нового культа.

Места рождения тех, кто подвергся процедуре изгнания бесов

Не всегда недуги, беспокоившие пациентов заклинателя бесов, описываются достаточно точно, чтобы мы могли создать о них определенное представление. В частности, относительно 98 человек неизвестно, от какой болезни они избавились; 225 человек охарактеризованы как «одержимые или пострадавшие от порчи», или «от колдовства», или как «обуянные нечистыми духами». Из оставшихся 210 человек 109 увечных, паралитиков, заговоренных, калек, хромых,

больных ишиасом, одна вся покрытая паршой, 18 слепых, 13 глухих, 5 чахоточных, 10 страдающих от водянки, у 4 падучая, у 9 опухоли на руках или ногах, у 8 подагра, у 3 больна селенка, у 4 желудок, 3 немых или заик, у 2 больные почки, у 20 другие недуги, плохо описанные, у 2 огнестрельные раны: очевидные физические повреждения, нанесшие сильный вред здоровью. Лишь некоторые просили излечить их от болезней, вызванных определенной порчей, и редко кто описывает недуг более подробно, «одержимость демоном Тау, который мучил его на протяжении тридцати лет», или «почти закрытые глазные впадины, лишавшие его зрения до избавления от нечистых духов».

Итак, это толпа людей с изуродованными суставами, нарушениями в органах чувств, с палками и костылями. Их мнения не выслушивают; по-видимому, от них невозможно получить внятных свидетельств, тем более что их сложно разыскать среди сельских жителей или в сборище маргиналов. Таким образом, суд не берет их в расчет, если не считать допроса Джованни Бруеры. И Джован Баттиста не обращается к ним за доказательствами излечения, хотя именно эти несчастные составляли процессию, сопровождавшую его в Турин после первого ареста, осаждали архиепископство, вызывали удивление и беспокойство у каноника Бассо и у церковных властей столицы.

4. Еще до решительного вмешательства епископа 16 августа Джован Баттиста Кьеза должен был осознавать значимость своей проповеди и озабоченность, которую она вызывала у властей диоцеза, о чем свидетельствует не только избранная им стратегия перемещений. В самом деле, 7 августа он приступил к сбору более подробной документации, чем тот простой список, который он вел в своей тетрадке: это были доказательства излечения за истекшее время, и он заверил их у нотариуса. Он собирался представить их «любому церковному или светскому судье». Кьеза начал с Кастаньоле делле Ланце, куда он вернулся, чтобы потребовать у Пьетро Бальбиса, неграмотного крестьянина из Пинероло, клятвенно подтвердить в его присутствии и в присутствии нотариуса Антонио Кане, что за день до того на границе Сан-Дамиано он подвергся обряду изгнания бесов и получил благословение. «На протяжении примерно 30 лет я не имел сил вести свою жизнь, а в последние шесть лет был вынужден пользоваться костылями, чтобы передвигаться», теперь же он мог ходить свободно. Стремясь подтвердить свидетельство крестьянина, два священника, дон Паоло Франческо Ардицоне и дон Джузеппе Антонио Вальсания, подписали акт, объявив, что они присутствовали при излечении.

В действительности это была единственная мера предосторожности, принятая Джован Баттистой перед Феррагосто¹⁶. Сбор доказательств продолжился лишь впоследствии, но, вероятно, скорее неофициальным образом: он уже не присутствует при получениях свидетельств, хотя все они явно проводятся по его просьбе. Благодаря помощи младшего брата Габриеле, который будет объезжать деревни в поисках наиболее подходящих очевидцев, Кьеза обеспечит наличие достаточного количества показаний в свою защиту.

13 октября два аптекаря из Кьери отправляются по просьбе Джован Баттисты к нотариусу Франческо Джузеппе Молинери. Синьор Джузеппе Маттео Монтефамельо рассказывает, что «две мои малолетние дочери у меня в доме тяжело заболели, по всем признакам и по мнению знающих лиц, которые их посетили, на них была наведена порча». Он пригласил Кьезу, и тот их вылечил.

Второй аптекарь, Джованни Антонио Канавезио, рассказывает, что «в марте тяжело захворал синьор дон Бальдассаре Гинарелла, каковой во время своей болезни принимал различные лекарства, прописываемые ему синьорами врачами и посланные мной из моей аптеки. Но видя, что они ему не помогают, я заподозрил, что он подвергся порче». Был призван Кьеза, и дон Бальдассаре выздоровел.

---

¹⁶ Праздник Успения 15 августа. – *Прим. ред.*

К двум свидетельствам прибавляются и другие: в июне Кьеза излечил сына Джованни Андреа Руски, дочерей Орацио Приериса и Джованни Томмазо Молиаро, а также синьору Маргериту Пастору. Все они заявляют, что он отказался брать плату: «я хотел дать ему серебряный скудо, – говорит Канавезио, – для возмещения причиненного неудобства, но он с негодованием его отверг, сказав, что занимается лечением не ради заработка, а только из милосердия, дабы помочь ближнему и к вящей славе Божией». Все остальные утверждают, что «знали и знают вышеназванного преподобного синьора Кьезу, настоятеля Сантены, как достойного и набожного священнослужителя, и в указанных нами случаях они присутствовали и участвовали в заклинаниях бесов, совершенных им с помощью названных молитв, и не замечали, чтобы эти молитвы и заклинания были против нашей Святой Католической Веры».

Между 20 и 23 октября Габриеле направляется в Соммариву, чтобы собрать показания местных нотаблей. За некоторое время до этого адвокат Томмазо Гери привез в Сантену для лечения своего сына Баттисту, поскольку «за последние три дня названный сын не мог пить молоко и испражняться»; после лечения Кьезы «я убедился, что ему стало лучше, что он пил молоко, а на следующий день облегчил кишечник». В дальнейшем мальчик стал постоянным клиентом сантенского настоятеля, поскольку «он не мог владеть левой рукой», в которой, по-видимому, сосредотачивались духи до того момента, как Джован Баттиста излечил его полностью.

В Соммариве же к Кьезе обращались целые семьи: в первый раз его пригласил и принял в своем доме синьор Карло Франческо Аллазия, муж тетки маленького Баттисты. Кьеза излечил жену Карло Франческо, «подвергшуюся порче, как полагали и некоторые другие духовные лица». Кроме того, в Соммариве он избавил от лихорадки жену Андреа Боето Аличе, от почечных болей – Марию Катарину Рокку. Вознаграждение он всегда отвергал.

Того же 23 октября Габриеле перебирается в Кастаньоле ди Пьемонте, житель которого Микель Пинардо сообщает, что 6 или 7 августа он отправился к Джован Баттисте в Ноне, «потому что у меня опухла правая ступня и лодыжка, и от боли я не мог стоять и должен был ехать верхом... И прежде чем отправиться к вышеназванному, я показывал свою распухшую ногу многим хирургам в Кастаньоле, и два хирурга сказали мне, что не могут распознать мою болезнь и что нужно сделать надрез, но я, скорее всего, останусь калекой». Джован Баттиста Кьеза, «обнаружив на мне порчу», излечил его, так что тот «свободно добрался до дома пешком».

5. Итак, 15 августа Джован Баттиста Кьеза был освобожден от исполнения своих обязанностей, как законных, так и не совсем законных, но не арестован. Он направился в Сантену, в приход, где он жил вместе со своей сестрой: настоятель Брондзини, приходской священник, не связанный обязательством личного присутствия, сделал его своим местоблюстителем 5 сентября 1689 г. Кьеза похоронил трех усопших, 20 и 28 августа и 2 сентября, но с 15 октября по распоряжению Брондзини его заменил пресвитер Джованни Гаспаре Асти.

Конечно, настоятель Брондзини был озабочен развитием ситуации, поэтому он отправил в Сантену сына своей сестры, Джованни Андреа Амброзини, под предлогом ревизии приходской фермы, но на самом деле он прибыл для поисков викария. «В доме я застал только его сестру, – сообщит он в своих показаниях, – которая на мои расспросы отвечала, что он в отъезде вот уже восемь дней и она точно не знает, где он. По слухам, он был в Канале, но некоторые говорили, что он поехал в сторону Чистерны».

Молодой Амброзини продолжил поиски. От него мы узнаем о последней попытке Джован Баттисты продолжить свою деятельность, прибегнув к покровительству епископа Асти в надежде еще раз продемонстрировать свои необыкновенные способности под давлением толпы поклонников: «в субботу, в День святого апостола Варфоломея (24 августа), вышеупомянутый, по просьбам разных людей, желавших подвергнуться обряду заклинания, – по слухам, их было

много – в связи с тем, что монсеньор епископ Асти совершал визитацию и находился в Кастаньи, Кьеза вместе с архипресвитером Канале приехал туда же... И в Кастаньи он приступил к изгнанию бесов в присутствии Монсеньора и других каноников». Разумеется, Кьеза понимал, что его положение безнадежно: «он говорил, что надеется всех излечить с помощью великой веры в могущество Божье... и всех призывал твердо верить в то, что Господь их исцелит».

Епископ в происходящее не вмешивался: некоторое время он наблюдал, окруженный священниками из его свиты. Затем, после недолгого совещания с другими духовными лицами, «он воспретил [Кьезе] совершать обряды экзорцизма в своем диоцезе, исходя из запрета, уже наложенного монсеньором архиепископом».

Потерпев поражение, Джован Баттиста возвращается в свой дом в Сантене в обществе архипресвитера Канале, но его слава еще жива. «Часто говорят о том, – заключает молодой Амброзини, – что он излечил много увечных, сотворив явные чудеса».

6. Пока Габриеле собирал свидетелей защиты, 16 ноября каноник Джован Баттиста Бассо при содействии дона Джованни Франческо Леонетти, главного налогового прокурора Туринской курии, приступил к допросу Джован Баттисты Кьезы, на которого уже был наложен штраф «in facto proprio» (за его собственные действия) в размере 100 лир. Судя по всему, арестован он не был.

Прежде всего ему было предъявлено изъятое у него *Manuale parochorum et exorcistarum* («Пособие для приходских священников и заклинателей бесов»), к которому были добавлены две рукописные страницы с перечнями излечений. Впрочем, в протоколах суда нет ни этой книги, ни этих страниц; там есть только «бумажный дневник на 15 исписанных страницах, начатый 29 июня и заверченный 15 августа», с содержанием которого мы уже знакомы.

Непосредственно Кьезой заполнена лишь малая его часть; в основном это записи двух его соратников, дона Витторио Негро и клирика Бьяджо Романо из Сантены.

Джован Баттиста начинает свою историю: он сын Джулио Чезаре, скончавшегося несколько лет назад. Сам он из Сантены, но «случилось так, что родился в Черезоле». Ему около сорока лет, и последние десять лет он был священником в Сантене, но не владеет, а только «управляет» приходом в качестве викария, поскольку титулярным попечителем является синьор настоятель Брондзини, живущий в Кьери и в Турине. 5 сентября 1689 г., пройдя проверку у синодальных экзаменаторов, он получил грамоту от архиепископа и назначение викария настоятеля. Никто из его предков не был экзорцистом «и тем более не был одержим бесом»; но около двух-трех лет назад он начал благословлять лихорадочных по Римскому обряду, «и больные говорили мне, что хворь прекратилась. Это известие передавали из уст в уста, и из окрестностей стал стекаться народ», пока к Кьезе не пришла подвергшаяся порче девушка, уже прошедшая обряд изгнания бесов в Кьери и в других местах, но не излечившаяся; и он избавил ее от страданий. Это событие подтолкнуло его к освоению заклинания демонов. «И когда ко мне для благословения от лихорадки пришел некий юноша, служивший в Камбьяно, родственник покойного настоятеля местечка Пистоно, я попросил его поискать, не осталось ли у наследников настоятеля, который был искусным экзорцистом, какой-нибудь книги о сем предмете, и он принес мне упомянутую книгу *Manuale exorcistatum* («Пособие для заклинателей бесов»), каковой я пользовался последние девять-десять месяцев. И я начал проводить обряды над некоторыми моими прихожанами, хотя и без разрешения своего начальника, и мне казалось, что я могу и даже обязан это делать, в соответствии с наставлением учебника: „*Parochus tenetur*“ („Настоятелю должно“).»

Кьезе сразу задали вопрос, были ли лица, поименованные в списках, «излечены и известно ли ему об их состоянии здоровья до настоящего времени». «Полагаю, – сказал он, – что многие из них по своей вере в Бога остались свободными... Другие же не сохранили свободу после первых обрядов экзорцизма, поскольку, вероятно, их вера была недостаточной».

Защита Къезы строится на трех пунктах. Прежде всего, на полном соответствии практики и используемых им формул тому, что написано в учебнике в отношении как «произносимых» заклинаний, так и «записок», которые подвешивали на шею животным. Посохом он пользовался «для опоры, поскольку я был так слаб, что не мог стоять на ногах», а на скрипке «если я играл, то для развлечения; я играл на скрипке и на других инструментах частным образом, в своей комнате, и не совмещал такого рода отдых с экзорцизмом».

Вторым пунктом обвинения выступало получение дохода от его деятельности: «я никогда не просил денег или чего-либо другого за изгнание бесов и занимался им из чистого милосердия. Мне казалось, что я, как приходской священник, обязан проявлять милосердие... Другие священники и общины, которые приглашали меня с этой целью, могут подтвердить, что я получал от них только пищу и говорил им, что принимаю их из любви к Господу».

Третье обвинение касалось неповиновения приказам, полученным от архиепископа в двух направленных Къезе письмах. Он всегда старался подчиниться, отвечает тот, и даже его отъезд из Сантены в августе был вызван желанием «уклониться от встречи со множеством народа, стекавшегося в Сантену для излечения».

Однако обвинения были многочисленны, а защита, как видим, маловероятна и сомнительна. Впрочем, Къеза не собирался давать бой в суде и не думал кого-то убеждать. Вероятно, он понимал, что его дело проиграно, и хотел лишь смягчить грозившее ему наказание: «Моей целью не было стяжание славы и одобрения или выставление себя великим человеком; совершая сии поступки, я действовал со смирением. Я называл себя великим грешником и призывал всех препоручить себя Господу и уверовать в него, дабы получить облегчение; если же я провинился, то прошу прощения у Бога и у своего начальства». Через три дня настоятель Сантены был вызван для подписания показаний. Он прибавил только, что после первого допроса в Турине архиепископ «лично приказал мне продолжать заклинания бесов и чтобы я проявлял милосердие к тем, кто этого просил, так что я и продолжил».

Это последние дошедшие до нас слова Джован Баттисты: в деле отсутствует приговор, если таковой вообще был вынесен. Ни *Registra causarum* («Перечни дел»), ни *Registra sententiarum* («Перечни приговоров»), ни архиепископские *Provvisioni* («Распоряжения») о нем больше не упоминают. Не сохранилось никаких следов ни в нотариальных или приходских актах Сантены, ни в его родном Черезоле, ни в Боргаро, где священником был его дядя по отцу, ни в Мартиненго, где жила его сестра Виттория, жена врача Джован Баттисты Массиа, ни в Канале, где обитал его друг архипресвитер, ни в Турине, куда после второго брака переехал другой его брат Франческо Маурицио. Лишившись должности, он, вероятно, уехал туда, где никто его не знал, и только благодаря счастливой случайности мы сможем получить какие-то сведения о нем – нам не известна ни дата его смерти, ни его участь, ни новые потенциальные знакомства. Как следствие, мы способны восстановить его историю, только двигаясь в обратном направлении и задавая вопросы о том, кто он был, откуда происходил, кем были его друзья и близкие, почему он стал целителем и обрел популярность.

7. История Джован Баттисты не является чем-то необычным для тогдашней деревни. Ее исключительность – в той тщательности, с которой он вел журнал исцелений, предоставляющий нам количественные данные о его деятельности, равно как и имена, местожительство, болезни злополучных поселян. До этого момента я только излагал факты, не выдвигая гипотез и не комментируя; этот рассказ послужит основой для анализа социальной жизни Сантены. Он, разумеется, будет дополнен другими элементами, будут упомянуты иные события и описана та культурная система, внутри которой рассказанная история не выглядит удивительной.

Структура этой истории, которую мы можем выстроить с помощью точного воспроизведения фактов, даст нам возможность приблизиться к пониманию конкретных поступков во всей их сложности и двусмысленности в контексте многочисленных и противоречивых норм.

Тем не менее уместно выдвинуть некоторые предположения о связи между проповедью Къезы и энтузиазмом его адептов.

С течением времени представления о том, что такое здоровье и что такое болезнь, каковы пределы нормального и ненормального физического (и конечно, психического) состояния, о том, как далеко простираются реальные возможности медицины, сильно менялись. Действительно, существуют две культуры, а условность медицинских понятий параллельна условности понятий магии и религии.

В случае с Джован Баттистой мы должны задаться вопросом: какие представления о болезни и какая этиология кроются в разнообразной череде печальных историй, излагавшихся толпами крестьян, осаждавших его в каждой деревне? Объяснения, строящиеся на сопоставлении сегодняшней науки и науки прошлого или благоприятной, привычной естественной среды и враждебной, неконтролируемой среды доиндустриального общества, склоняются к эволюционистской точке зрения. В некотором смысле они выглядят плеоназмом (наука постепенно накапливает знания), оставляя без внимания проблему наличия иной, нелинейной концепции возникновения болезней. Более удачным представляется разделение этиологий на персоналистские и натуралистские. Разумно допустить одновременное присутствие элементов тех и других в каждом обществе, различая степень и оттенки восприятия преобладающих и переплетающихся каузальных факторов в зависимости от времени, места и социальной группы.

Под персоналистской системой мы понимаем культурные представления, согласно которым болезнь может быть результатом более или менее активного и намеренного вмешательства осмысленного агента (будь то бог, сверхъестественная сила или человек). В этом случае больной будет рассматриваться как объект агрессии (иногда и агрессии, направленной на самого себя) или наказания в отношении конкретного лица. В такой системе вопрос ставится не только о диагнозе, но и о том, кто и почему заболел. В натуралистских системах, напротив, недуг объясняется в безличных терминах, как будто составляющие тело физические элементы приходят в беспорядок, в неравновесное состояние, и причину нарушения можно полностью описать в природных терминах¹⁷.

Понятно, что приведенная классификация – это всего лишь абстракция. На самом деле этиологические системы в целом являлись или являются плодом более или менее налаженного симбиоза элементов обеих систем, различающегося в зависимости не только от принадлежности к определенному времени и культуре, но и от различия позиций отдельных групп и индивидов в рамках одного общества и одной ситуации. Исчезновение описанной в этих терминах многофакторной системы сверхъестественных элементов, подчеркивание роли бессознательного в персоналистской этиологии или противостояние более натуралистской позиции науки и более персоналистской позиции здравого смысла существенно не меняют формальной состоятельности данной модели. Она исходит из целого ряда факторов, выступающих в качестве причин болезней, а не из представления о переходе от персоналистской к натуралистской модели, как более соответствующей научному взгляду на мир¹⁸.

Разумеется, приведенные соображения не сводятся лишь к попытке избежать, путем усложнения модели, упрощенных выводов, вытекающих из идеи о смене систем. Ведь если переключить наше внимание с содержания медицинских знаний на понимание причин болезни и на общие принципы понимания причинности, можно будет ответить на вопрос, почему проповедь Къезы имела такой успех. Существовали и другие целители, лечившие болезни

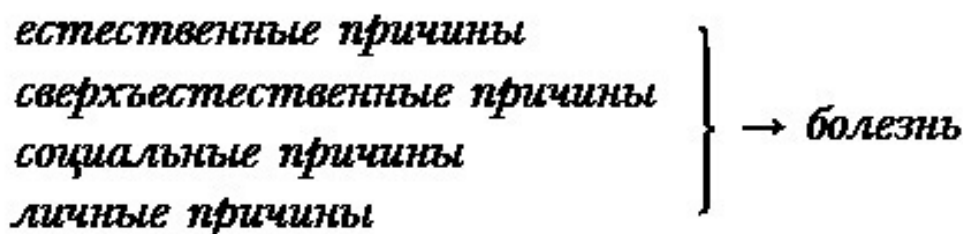
¹⁷ Эта классификация находится в работе: *Foster G. M., Anderson B. G. Medical Anthropology*. New York, 1978. Она воспроизводится и обсуждается в: *Worsley P. Non-Western Medical Systems // Annual Review of Anthropology*. Vol. II (1982). P. 315–348. Ср. также: *Culture, Disease and Healing. Studies in Medical Anthropology / Ed. by D. Landy*. London, 1977; *Social Anthropology and Medicine / Ed. by J. B. Loudon*. New York, 1977.

¹⁸ Несмотря на многие оговорки, особенно в части выводов, классический труд: *Thomas K. Religion and Decline of Magic*. London, 1971 (итал. пер.: Milano, 1984) написан в эволюционистском духе, от которого мы здесь стараемся отойти.

природными средствами или прибегавшие к сверхъестественному. Кроме того, нельзя объяснить популярность нового врачевателя только проведенными им успешными исцелениями или надеждами на выздоровление пациентов, разочаровавшихся в предшествовавших попытках. Не стоит и сводить наблюдаемый феномен к обычному проявлению господствующей культуры.

В самом деле, представления людей о возможных манипуляциях и лечении вытекают из более или менее обширного перечня вероятных причин болезни – не только с точки зрения различных представлений о приемах лечения и о пригодных для него врачевателях, но и с точки зрения общего ощущения безопасности и веры в полезность лечения и социальный авторитет данного типа лекарей. Одно дело – приписывать болезнь множеству разных причин, не выстраивающихся в строгую иерархию (общественные отношения, природа, сверхъестественное), и совсем другое – приписывать ее единственной причине или упорядоченной иерархии ряда возможных причин.

Итак, различие между натуралистской и персоналистской этиологией заключается также в форме каузальной структуры¹⁹. В первом случае это простая схема: *Природа → нарушение равновесия → болезнь*; во втором – сложные связи:

Первый вывод состоит в следующем: хотя методика Къезы подразумевала язык и объяснения персоналистской этиологии, тем не менее из-за явного акцента на уникальности заболеваний (подтверждаемого процентным соотношением 90 случаев из 100) по своей структуре она схожа с методикой натуралистской медицины, сводя все к одной причине и отвергая идею множественности причин, по всей видимости весьма распространенную в том обществе. Здесь и кроется разгадка его успеха.

Сантена в конце XVII в. переживала сложный период, что было связано с войной и ее последствиями²⁰: резким сокращением сбора урожая зерна и винограда из-за мародерства солдат и, соответственно, растущей смертностью; все это сопровождалось социально-психологическим кризисом, вызванным новыми опасениями, усложнением контроля механизмов межличностных отношений, невозможностью предвидеть развитие событий, а также управлять ситуацией и выстраивать собственное поведение. В атмосфере нараставшего беспокойства перед лицом бедствий, обрушившихся на село, Къеза предлагал простое объяснение, предлагавшее – по крайней мере в его расширенном виде – новое и неизвестное прежде истолкование: так происходил переход от многофакторной модели к однозначной связи. Значительность сана священника придавала силу скудной в теоретическом отношении проповеди Къезы.

Я не хочу сказать, что потребность в объяснительной теории обязательно ведет к поискам единства, скрытого за внешним разнообразием, простоты под маской сложности, порядка за беспорядком или закономерности, кроющейся за исключением. Конечно, общего правила не существует. Я не могу исключать, что в иных ситуациях чрезмерный порядок или чрез-

¹⁹ Ср.: Horton R. African Traditional Thought and Western Science // Africa. Vol. XXXVII (1967). P. 50–71, 155–187 (в особенности: P. 169–170); а также: Wittgenstein L. On Certainty. Oxford, 1969 (итал. перевод: Torino, 1978).

²⁰ Между 1690 и 1696 гг. Пьемонт принимал участие в войне против Франции на стороне Испании и других членов Великого альянса.

мерная простота заставят предпочесть противоположное: беспорядок и сложность. Однако в рассматриваемом нами случае мы сталкиваемся не с обычным разнообразием представлений о причинных связях, приводящих к болезни, а с особой ситуацией тревожности, вызванной обостренным состоянием неопределенности. Если возможно предложить общую формулу, то в подобных случаях из-за тревожного умножения причинного ряда возникает сильная склонность к более или менее устойчивому восприятию объяснительных гипотез, способных упростить или выстроить иерархию причинности.

8. Итак, было бы неверно полагать, что «закат магического» при истолковании заболеваний стал следствием постепенного расширения врачебной практики и роста медицинских знаний. Как показывает случай Сантены, имел место длительный период симбиоза и сознательного взаимоукрепления – по меньшей мере в идеологическом плане – естественных и сверхъестественных способов лечения, причем не только на неопределенном начальном этапе, но и на протяжении всего периода, в ходе которого натуралистские объяснения изолировались от новой медицинской космологии, порожденной рационализмом. Это очень любопытная проблема, в том числе позволяющая понять специфику медленного и на большом отрезке времени бесконфликтного распространения новшества: в этой сфере мы видим существенное отличие от взрывных процессов, часто тесно связанных с техническими изменениями.

Свидетельства, собранные Габриеле, охватывают 22 излечения, и все они совершенно однотипны. Почти во всех случаях присутствует общий элемент: «испробовав разные средства и не видя никакого облегчения болезни», люди прибегают к услугам экзорциста как *второй инстанции*. Нередко, как в ситуации с аптекарями Монтефамельо, Джованни Антонио Канавезио и Джованни Антонио Тезио, сами работники медицинской отрасли – а иногда, как явствует из показаний, даже и врачи – предлагают обратиться к заклинателю бесов, поскольку неизлечимость с медицинской точки зрения наводит на мысль о порче, о сверхъестественной причинности, если допустить, что это очевидное для нас различие таким же образом мыслилось и крестьянами XVII в.

Существование гипотезы о сверхъестественном имело следствием явную тенденцию к снятию ответственности с медицинской науки. Соответственно, очевиден и поразительный результат идеологической подоплеки практики медиков, чей социальный статус чрезвычайно вырос (мы увидим это на примере семей Тезио и Кастанья в Сантене): он приносит богатство, престиж и власть. Медицина и изгнание бесов не враждуют: по крайней мере в повседневной жизни крестьян и горожан они солидарны во взаимном самооправдании.

9. Есть еще один очень важный аспект, иллюстрирующий рассматриваемую здесь сельскую систему ценностей: наличие многофакторной этиологии, объяснявшей в том числе и постоянное действие сверхъестественных причин, откровенно мешало признать, что болезнь может быть неизлечима. При отсутствии окончательной определенности запускался механизм бесконечного поиска причин и истолкований, допускавший взаимопереплетение болезни и вины, природного и сверхъестественного, телесного и духовного.

Хорошо известен тезис Эванс-Причарда, от которого отталкивались в своих интерпретациях колдовства и медицины Глюкман, Тернер и многие другие антропологи. Вера в колдовство у народа азанде истолковывается в духе теории причинности, предполагающей наличие ответственности, механизма всеобъемлющего каузального объяснения²¹.

---

²¹ *Evans-Pritchard E. E. Witchcraft, Oracles and Magic among the Azande. Oxford, 1937. P. 96–115 (итал. пер.: Milano, 1976); Gluckman M. Moral Crises: Magical and Secular Solutions // The Allocation of Responsibility / Ed. by M. Gluckman. Manchester, 1972. P. 1–50; Turner V. W. Schism and Continuity in an African Society. Manchester, 1957.*

В этом случае физический недуг также рассматривается исключительно в рамках космической, а не натуралистской картины. К сверхъестественным объяснениям прибегают лишь тогда, когда естественных оказывается недостаточно, когда больной балансирует на грани жизни и смерти и требуется вынести не отвлеченное, а привязанное к определенной социальной ситуации суждение. Здесь вновь возникает взаимная дополнительность приемов лечения, которые опираются друг на друга. Неэффективность одного типа врачевания приводит к обращению не только к другому целителю, но и к альтернативной этиологии.

Впрочем, в других значимых аспектах картина выходит совсем иная, в особенности ввиду следующего аргумента: в Сантене XVII в., по-видимому, считалось, что отдельные люди, конкретные и активно действовавшие индивиды, не могли нести ответственность за порчу, хотя в качестве возможной, но не зависящей от чьей-то воли причины болезни рассматривалось ослабление семейных и социальных связей. В этот период персоналистское объяснение частично утратило силу и вину стали возлагать скорее на пострадавших лиц, чем на колдовство. Именно в этом направлении движется Кьеза, когда он сводит поиски болезни к одной-единственной метафизической причине, вместо того чтобы искать физически уязвимого противника, за рамками ощущения собственной греховности, нашей вражды к себе самим, хотя и не без пособничества злых духов, о чем Джован Баттиста постоянно напоминает своим прихожанам. «Из десяти тысяч человек девять одержимы бесом»: вот в чем источник зла, а не в механизмах общинных связей.

Впрочем, это не столько проблема – сложная с точки зрения ее оценки – терапевтической эффективности: Джован Баттисту окружает устойчивая слава успешного целителя, и он действует в условиях общества, перенасыщенного злом, личной неполноценностью, физическими и психическими проблемами. Особенностью этого периода представляется сосуществование двух систем истолкования заболеваемости при хаотичном представлении о ее вероятных причинах. Эти системы не соединились, как в других социумах, на основе общих магико-религиозных принципов и не оказались привязаны заранее к врачебным классификациям отдельных болезней. Объяснение, данное Кьезой, предлагает более четкое описание объяснительной иерархии, уже укоренившейся в пьемонтской деревне конца XVII в.: магия, изгнание бесов, чудо могут исцелить то, что не способна вылечить медицина. Таким образом, задним числом эти явления задают границы самой медицины, подкрепляя ее и представляя ее слабость не столько результатом технической или теоретической беспомощности, сколько следствием метафизической обусловленности болезней. При этом от медицины в ее конкретных проявлениях не требуется доказательности, ее неудачи не берутся в расчет, она успешно развивается и находит понимание у людей при условии, что смиренно признает границы своих возможностей (а их отрицание воспринимается с иронией, как мы видим на примере показаний Микеля Пинардо).

10. Однако в персоналистских системах существует совершенно особый аспект, который, на мой взгляд, в наше время заслоняется вопросами о причинах болезни, которые мы себе задаем, по крайней мере осознанно: если даже болезнь известна и излечима, почему заболел именно я? Такого рода вопрос еще менее, чем описанные выше общие черты, свойствен культурам, в которых преобладают натуралистские истолкования, в то время как в сельском обществе Старого режима ему придается главное значение. Объяснением может быть порча. Если мы взглянем на тех, кто приходил к Кьезе, стремясь избавиться от своих увечий, хромоты, слепоты, то станет очевидной первостепенная важность этого вопроса. Однако приходили не только они: к Кьезе обращались и те, кто совершил непонятные для самих себя поступки и сразу же столкнулся с неприятностями. Как следствие, они ждали не только излечения, а иногда и не излечения вовсе, а избавления. За ним, например, к Кьезе 5 августа приходит Филиппо Берре: у него «опухоль в колене, и он в прошлом году выстрелил в жену»; соединение этих

двух фактов свидетельствует о потребности освободиться от их общей причины, наваждения. Или вот 15 августа Доменико Джана из Роккафорте в округе Мондови, «подвергшийся порче и искалеченный выстрелом из аркебузы год назад», и в тот же день Гульельмо Далабрю «из Лангедока во французском Провансе, пострадавший от выстрела в прошлом году» – от чего они излечиваются? Конечно, не от своих увечий и не от последствий своих ран, а от порчи, наведенной именно на них.

В силу этого обстоятельства не у всех пациентов, внесенных в список нашего экзорциста, имеются указания на органы, пострадавшие от колдовства; в 225 случаях неопределенно говорится об одержимости или наваждении; в 98 случаях указаний вообще нет, и это свидетельствует об ином: физическое или моральное страдание, которое привело этих людей к заклинанию бесов, было устранено, и причина болезни найдена, хотя иногда, а может быть, и часто по итогам лечения на теле пациентов на всю жизнь оставались следы. О чудесах речь не шла, но терапия была столь успешной, что сотни людей стекались к целителю.

Все они, безусловно, были грешниками, но не последней причиной успеха Къезы являлся тот факт, что его указания на источник болезни находили полное понимание: недруг располагался снаружи, его действия были иррациональными и допускали некоторое оправдание, не требуя в каждом случае поисков собственной вины. Церковным властям подобная проповедь, хотя и в упрощенном виде, должна была казаться весьма опасной. Къезу следовало устранить, в отличие от множества чудотворцев, наполнявших ту же деревню и менее двусмысленно толковавших о вине и о покаянии.

Тогда же в этих краях (в сельской местности южнее Къери) действовали и другие экзорцисты, о чем свидетельствуют показания, собранные в защиту Джован Баттисты: впрочем, они занимались своим делом редко и с разрешения епископа. Однако существовали как минимум еще два источника чудес.

Во-первых, образ Мадонны, почитаемый в церкви Сантиссима Аннунциата в Къери. Он часто совершал чудесные исцеления после того, как врачи объявляли о своем бессилии и о неизлечимости болезни. У нас нет перечня чудес, приходящихся на период после 1655 г., «хотя и впоследствии Пресвятая Дева не менее щедро изливала свои милости на тех, кто обращался к образу ради ее почитания» как раз в сельской местности, где подвизался настоятель из Сантены²².

Более интересен случай ораторианца падре Агостино Борелло, который за свою короткую жизнь²³ совершил множество исцелений путем наложения рук и благословения и продолжал творить чудеса после смерти по меньшей мере до начала XVIII в. (он скончался в 1673 г.), когда конгрегация св. Филиппо Нери собрала более ста свидетельств в пользу причисления его к лику святых²⁴. Он также многократно вылечивал паралич и ишиас, не поддававшиеся врачам, хотя способности падре Агостино были более специфическими и действовали особенно на женщин: полы его сутаны и платок, которым он утер пот на смертном одре, помогали при родах и восстанавливали у рожениц грудное молоко.

Впрочем, в этих двух случаях речь идет о чудесах, а чудеса отличаются от заклинания бесов Джован Баттистой Къезой: они вознаграждают за веру, а не освобождают от бесовского наваждения и, возможно, предлагают несколько парадоксальным образом более долговечную и дожившую до нас модель причинности. Чудеса, хотя и уживаются с преимущественно натуралистскими системами, не воздействуют непосредственно на нечистую силу, вызывающую

---

²² *Care T.* Notizie storiche della miracolosa immagine della Beat(issi)ma Vergine dell'Annunciazione venerata nella sua Chiesa della Città di Chieri. Chieri, 1753.

²³ О Борелло см.: *Marciano G.* Memorie Historiche della Congregatione dell'Oratorio nelle quali si dà ragguaglio della fondazione di ciascheduna delle Congregazioni fin'hora erette e de' soggetti più cospicui che in esse hanno fiorito. Vol. V. Napoli, 1702. P. 341–354.

²⁴ ААТ, XVII. 3, *San Filippo di Chieri*, связка 2, *Attestazioni su santità del padre Agostino Borello*.

болезни, а апеллируют к высшим существам, которые ради защиты людей способны изменить природный порядок и облегчить страдания.

Теперь же мы должны оставить эти рассуждения. На самом деле это лишь гипотезы: культурная система сантенских поселян в значительной мере остается пока невыясненной, и потому история Къезы еще далека от понимания. Необходимо подробнее изучить социальную реальность, в которой разворачивалась деятельность викария из Сантены: крестьян, нотаблей, синьоров и весь мир человеческих взаимоотношений в этой пьемонтской деревне. Люди чувствовали потребность в безопасности, что способствовало успеху проповеди Джован Баттисты Къезы. Однако речь не шла о безопасности, вытекающей из неподвижной пассивности, поскольку это была простая, но несущая нечто новое проповедь. Попытка сделать мир более понятным, более предсказуемым, по всей видимости, в данном случае оказалась каким-то образом связана с господствовавшими в повседневной практике убеждениями. С точки зрения доказательства этого тезиса особенно важными являются два направления исследования: внутрисемейная организация и отношение к земле.

Глава вторая

Три семейные истории: родовые коалиции

1. Сведений о жителях Сантены в XVII в. предостаточно: в моих карточках имеется 32 000 поименных записей, в среднем более 20 упоминаний о каждом человеке, жившем в Сантене между 1672 и 1709 гг.²⁵ Разумеется, распределение очень неоднородно, оно зависит от публичности каждого лица, потому что сохранившиеся документы отражают институционально подтвержденные поступки, например запись в нотариальных, приходских, имущественных и судебных актах в качестве свидетеля или участника. Необъективность этой документации имеет ярко выраженный социальный характер: женщины, бедняки, дети представлены слабо, хотя они часто упоминаются в сообщениях, где играют пассивную роль. Во всяком случае, документальные источники выводят на сцену мириады самых разных персонажей, и этого достаточно для описания данного общества и принятых в нем правил. Впрочем, любое просопографическое исследование малоимущей и малозаметной прослойки не имеет шансов на полноту и не может уследить за судьбой своих героев за пределами наиболее плотных и доступных скоплений документов. Географическая мобильность в особенности способствует соединению двух видов селекции – собственно дифференциального и более стабильного типа, присущего юридической правоспособности.

Если бы наше исследование касалось сегодняшних событий, мы могли бы, очевидно, придать собранной информации большую органичность, опрашивая действующих лиц. Тем не менее чтение великого множества разнообразных и повседневных свидетельств чем-то напоминает полевое исследование: как будто на протяжении двадцати пяти лет стоишь на сантенской площади и слушаешь сплетни о семейных делах, и, благодаря накоплению знаний, лица и летопись событий постепенно становятся более четкими: рождения, смерти, браки, приобретения, удача, провалы, взаимоотношения с местными феодалами, ненастья, урожаи, убийства и членовредительства, передвижения войск. Стечение обстоятельств порождает выбор, стратегию, эмоции, чувство неуверенности. Трудно полностью контролировать выборку документов, которые по воле случая скапливались с течением времени, документов, которые сами по себе изначально появляются в результате более систематической социальной селекции.

Таким образом, то, что нам известно об этих нескольких сотнях людей, живших в конце XVII в., есть итог случайности и особой стратификации реальности, в которой они жили: здесь много лакун, неясностей, тумана, пробелов. Как следствие, реконструкция событий и биогра-

---

²⁵ После 1610 г. во владениях герцога Савойского имело место дублирование нотариальных актов: они хранились в виде черновиков у нотариусов и централизованно накапливались по мере регистрации. Благодаря этому сохранилось много документов, принимавшихся нотариусами во внимание. Зарегистрированные акты явились главным источником для предпринятой здесь просопографической реконструкции. Выборка была полной за 1672–1709 гг. для следующих населенных пунктов: Сантена, Кьери, Камбяно, Вилластеллоне, Марентино, Пойрино, Пино, Трофарелло, Печетто, Рива ди Кьери, Андзено (все в: ASCC, Регистрация). Кроме того, Черезоле и Карманьола (AST, объединенный раздел, Регистрация, *разряд Карманьолы*); Монкальери (Ibid, *разряд Монкальери*). Применительно к Турину рассматривались только имена, связанные с Сантеной, на основании использования указателей (Ibid, *разряд Турина*). Другие, более спорадические проверки относились к определенным лицам и периодам с использованием документальных данных и отсылок в нотариальных актах – в частности, для Сантены и Черезоле за период 1610–1671 гг. Таким образом, на каждого сантенца была заведена персональная карточка с указанием всех найденных упоминаний его имени в качестве как активного, так и второстепенного участника сделок (свидетеля). В дальнейшем в карточки заносились все ссылки, извлеченные из других документальных источников. Именно эта основа позволила реконструировать личные и семейные истории, приведенные в тексте. Наличие пробелов в приходских демографических источниках помешало полному восстановлению истории биологических семей. Однако воспроизведение истории семейных групп, основанное на изучении социологически наиболее значительных конгломератов и совокупностей лиц, живущих в одном доме в силу не только родственных связей, но и выбора и предпочтений, относящихся к подлинным социальным сетям, не лишено преимуществ. Привести ссылки на использованные нами отдельные нотариальные акты невозможно, поэтому в тексте мы предпочли упоминать те документы, из которых приводятся выдержки. Другие источники, привлекавшиеся для просопографической реконструкции, будут названы по мере необходимости.

фий часто оказывается импрессионистической, аллюзивной, основанной на воображении. Я вынужден описывать небольшую группу людей не столько с помощью однородных и сопоставимых рядов данных, сколько базируясь на богатых смыслами, но разрозненных источниках, редко совпадающих между собой. Вытекающие отсюда затруднения требуют от читателя напряжения его фантазии.

Все это сразу бросается в глаза, как только мы задаем себе вопрос: кем были те 27 жителей Сантены, которые обратились к Джован Баттисте Кьезе за изгнанием бесов? 12 мужчин и 15 женщин, из которых только двое имеют дополнительные квалификации помимо имени: некий синьор аптекарь и мессер, живущий в Вилластеллоне. 19 просто «подверглись порче», две женщины и один мужчина страдают от водянки (один описан как «пораженный водянкой и порчей»), один «чахоточный и подвергшийся порче», один «с большой от порчи селезенкой» (аптекарь), один «с пострадавшей от порчи рукой уже два года» (мессер), одна женщина «с поврежденной порчей ногой», один (житель Кьери) «одержим бесом четыре года». В конце истории мы узнаем об обстоятельствах, приведших их к экзорцисту, однако лишь применительно к биографиям некоторых из них. Впрочем, я постараюсь прояснить общий культурный и социальный контекст, иерархию ценностей и пережитые ими события. Последние проливают свет на выбор и мотивы людей, заставившие их обратиться за помощью к Джован Баттисте Кьезе.

2. Сантена, местечко, в котором разворачивались основные действия нашей истории, не располагала автономией: в XVII в. ее юридический статус был неоднозначным, что вело к целому ряду правовых конфликтов. Как мы увидим, это обстоятельство имеет важное значение для понимания политических и социальных стратегий ее жителей.

Сантена лежала к юго-востоку от Турина, менее чем в двадцати километрах от столицы и менее чем в восьми от Кьери, в чьи административные границы она формально была вписана. Она обладала сельскохозяйственными землями не лучшего качества и на всем своем протяжении располагалась на слегка наклонной равнине. Собственно поселение ограничивалось Банной, небольшим притоком По, и речкой Тепиче, в пределах которых находилась центральная часть жилой зоны; здесь помещалась приходская церковь и высились друг напротив друга замки Тана и Бенсо, главных местных феодальных семей в XVI в. Вдоль поселка веером был разбросан ряд хуторов и замков: Понтичелли со стороны Камбьяно, Сан-Сальва́ и Тетти-Агостини со стороны Пойрино, Тетти-Буссо, Брольетта и Тетти-Джирó со стороны Вилластеллоне.

Трудно сказать, сколько там было жителей: в реестрах прихода не сохранились акты гражданского состояния, а фискальные и военные данные отрывочны. Так, у нас имеются только два отчета за все столетие.

20 августа 1629 г. подеста Филиппо Вернони по приказу судьи из Кьери собрал подворные сведения о количестве ртов на жернов, т. е. о тех, с кого собирали налог на помол зерна²⁶: вероятно, из общего количества были исключены дети до семи лет. Всего в Сантене насчитывалось 60 семей, из которых 6 возглавляли женщины; только одно домохозяйство было отмечено как нуждающееся; возможно, исключались те, кто прибыл извне, и семьи дворян и духовных лиц, постоянно проживающих в местечке. Ниже, в таблице 1 приведено распределение численности по семьям.

Эти данные очень приблизительны, причем не только в силу неопределенности границ населенного пункта, не имевшего четкого административного самоуправления, и невозможности установить, какие именно семьи и отдельные лица были включены в подсчет. Кроме того, эти сведения лишь на несколько месяцев предшествуют эпидемии чумы, и, хотя в Сантене она

²⁶ ASCC, Art. 22 par. I, 37, *Consegna delle Boche delli Particolare di Santena... fatta per me sottoscritto Filippo Vemoni nodaro de Poyrino et Podestà d'esso luogo... li 26 d'Agosto 1629 in virtù d'ordine del signor Giudice di Chieri dellegato, delli 19 di detto Agosto.*

не слишком свирепствовала, смертность и перемещения жителей должны были сильно повлиять на состав населения ввиду близости Монкальери и Кьери, где умерло много людей.

Так или иначе, у нас нет никаких других данных. Прошло более тридцати лет до того момента, когда 31 декабря 1661 г., а затем 24 июля 1662 г. двумя герцогскими указами было предписано подсчитать рты во всех общинах провинции Кьери, чтобы провести ревизию помола муки: в число 77 населенных пунктов вошла и Сантена. По-видимому, трудностей перепись не вызвала, поскольку по всем местечкам имеются цифры по количеству ртов и поголовью скота. Впрочем, как раз в Сантене выполнить приказ герцога не удалось: «отдельные лица, проживающие и имеющие место жительства в поселке Сантена, – записано в соответствующей тетради, – получив вызовы и уведомления, не пожелали явиться»²⁷. Это один из эпизодов открытого конфликта между местечком и городом Кьери, между феодалами и государством – и к этому я еще вернусь. Здесь же достаточно упомянуть, что ревностные чиновники, собиравшие сведения, встретились, вероятно, с ожесточенным сопротивлением и были вынуждены прибегнуть к косвенным способам оценки численности местного населения. В конце концов в 1663 г. они представили отчет, «извлекая данные о части из них из кадастров и описей соседних поселков Камбьяно и Вилластеллоне». Произведя сравнение с предыдущими переписями (возможно, именно с переписью 1629 г.), они пришли к выводу, что ртов старше семи лет насчитывалось 338, и они были распределены по 82 семьям. Однако не исключено, что негодование побудило переписчиков к мести – искажению данных, которые показали прирост ртов и семей более чем на 35 % по сравнению с цифрами тридцатилетней давности и увеличение среднего состава семьи за период, в целом очень тяжелый для всего Пьемонта, с 3,4 до 4,2 человека. Во всяком случае, подсчитать количество сантенцев оказалось делом нелегким: туринский архиепископ Микеле Беджамо в том же 1663 г. совершил пастырский визит в этот приход, но ему не удалось зарегистрировать сведения о числе причастившихся душ, хотя это было сделано во многих соседних приходах²⁸.

Таблица 1. Население Сантены по переписи 1629 г.

---

²⁷ AST, объединенные разделы, sec. III, art. 531, *Consegna bocche umane*, связка C/3, *Consegna prov. di Chieri*, 1662–1663.

²⁸ AAT, 7. 1. 10, с. 390, *Visitatio Parochialis Santinae*, 10 сентября 1663 г. То же самое произошло во время посещения Беджамо в 1671 г. (*Ibid*, 7. 1. 18, с. 112 и след., 12 октября 1671 г.).

<i>Количество членов</i>	<i>Количество семей</i>	<i>Всего человек</i>
1	7	7
2	13	26
3	16	48
4	13	52
5	4	20
6	3	18
7	2	14
8	—	—
9	1	9
10	1	10
<i>Всего</i>	<i>60</i>	<i>204</i>

Немногим более полезны данные о демографии населения: сохранившиеся приходские книги²⁹ велись неаккуратно и с довольно позднего времени. С 1660 по 1671 г. регистрировалось в среднем 6 браков в год и (после пробела в записях с 1672 по 1692 г.) очень малое количество между 1693 и 1701 гг. Смерти Джован Баттиста Кьеза регистрировал в ужасном беспорядке, и нет никакой уверенности, что эти сведения полны: с 1689 по 1700 г., в период очень высокой смертности, насчитывается в среднем 34,1 смерти в год. Реестры рождений не

²⁹ Они хранятся в: APSSPP.

сохранились. Итак, по всей видимости, соответствия между административными границами Сантены и территорией прихода не существует, поскольку в конце столетия прихожан было, вероятно, около тысячи, судя по количеству браков и смертей, рассчитанному на основании данных по другим частям Пьемонта.

В 1728 г. во время пастырского посещения архиепископ Франческо Арборио ди Гаттинара подтвердит обширность прихода, оценив его в 1600 душ, из которых 1000 допускались к причастию³⁰. Впрочем, и эта цифра представляется очень грубым приближением, исходящим от тогдашнего приходского священника. Маловероятно, что лиц, еще не достигших возраста причастия, было так мало (37,5 %). Однако текучесть сантенских реалий, неопределенность их подлинных параметров, скудость и приблизительность данных хорошо согласуются с политическими и правовыми характеристиками городка, которые выходят на первый план в рассказываемой здесь истории. Пока что мы можем заключить, что на этой части сельской территории Кьери наблюдалась устойчивая тенденция роста, соседствовавшая с глубоким упадком городской демографии на протяжении всего XVI и значительной части XVII в. Упадок стал следствием кризиса хлопчатобумажной промышленности, начавшего распространяться и на деревню, преодолевая корпоративные рамки, ограничивавшие его городской чертой до середины XVII в.³¹

3. Сантенские почвы не отличались большим плодородием: будучи равнинными, в ходе предварительной оценки для кадастра 1701 г. они были отнесены в основном к пахотным землям четвертого уровня³². Лучшие земли принадлежали феодалам или входили в состав церковных владений, и только к этому виду собственности относились обширные поликультурные участки, обрабатываемые на условиях издольной аренды. Немногие луга, которые имели сантенцы, находились преимущественно на территориях коммуны Камбьяно и со стороны Вилластеллоне. Относительно крупные пастбища были в распоряжении только двух ферм в Бролье и Брольетте; они ежегодно сдавались в аренду овцеводам из Энтракве, которые делали там долгие привалы во время зимних перегонов скота. Виноградники располагались на территории Кьери, на склонах холма, но ряды виноградных лоз чередовались на равнине с посевными участками в виде альтен³³ [с подвесной лозой], которые являлись характерной чертой аграрного пейзажа Пьемонта при Старом режиме³⁴. Масличные орехи, яблони, тутовые деревья для уже очень распространившегося разведения шелкопряда, дубы, древесина которых использовалась чаще для обработки, чем для отопления, обозначали границы владений и участков. Огороды и конопляники перемежались с жилой застройкой, поделенной на мелкие и весьма желанные парцеллы. Многие сантенцы имели небольшие участки леса на территории Вилластеллоне, обычно в совместном владении нескольких семей общего происхождения. Этот лес использовался для изготовления подпорок виноградной лозы, в качестве дров и в строительстве.

Нелегко установить, что принадлежало каждому индивиду, по многочисленным и разнообразным кадастрам отдельных общин, составлявшимся независимо друг от друга на протяжении XVII в. Так или иначе, результат должен был бы показать поляризацию между несколь-

³⁰ ААТ, 7. 1. 23, сс. 500–513, 2 октября 1728 г.

³¹ Ср.: *Giordano L.* L'Università dell'arte del fustagno in Chieri. Torino, 1895; *Nada Patrone A. M.* Studio introduttivo a Statuti dell'arte del fustagno di Chieri / A cura di V. Balbiano di Aramengo. Torino, 1966. Однако работы об упадке мануфактурного производства в Кьери XVII в. отсутствуют. Наиболее полное собрание документов см.: *Valori A., Gagliardi A.* L'industria del cotone a Chieri tra '600 e '700. Tesi di laurea, Facoltà di Lettere e Filosofia di Torino, 1982–1983.

³² АСТ, объединенные разделы, Кадастр, приложение I, связка I, *Вилластеллоне*, связка 2, *Кьери и Камбьяно*, июль 1701 г.

³³ Альтена – участок, на котором виноград растет вперемежку с деревьями и опирается на их стволы. – *Прим. перев.*

³⁴ Под термином «альтено» понимается смешанный посев, при котором на одном и том же участке полосами выращиваются злаки, а в промежутках находятся ряды виноградных кустов с подпорками.

кими крупными хозяйствами и расплывенными, часто очень фрагментированными элементами мелкой собственности. Между предприятиями знати и нотаблей и наделами, кормившими крестьян, не существовало средней по размерам или качеству прослойки собственности – настолько, что, как мы увидим, можно констатировать своего рода разрыв в торговых связях между этими двумя секторами, делавший их земли предметом разных подходов к обмену, как будто речь идет о совершенно разных типах имущества. В 1682 г. на территории Сантены семейство Бенсо владело 337 джорнатами³⁵ земли, отдельные ответвления семьи Тана 285, Бралья 240, Симеоне 90, Бираго ди Роаскья 114, Роббио 127, Фонтанелла 80, сантенский настоятель и приход – более чем 100, в то время как только у трех незнатных собственников было больше 30 джорнат (но не более 50), и менее десяти имели больше 12 джорнат, то есть более 4 гектаров³⁶.

В плане социальной стратификации приведенная картина распределения земельной собственности не выглядит убедительной, поскольку самая многочисленная группа высшего (с точки зрения богатства) слоя людей среди тех, кто занимался сельским хозяйством, состояла не из собственников, а из держателей манса, живших в Сантене и соседних селах и обрабатывавших участки в 20–30 джорнат на семью, полученных в аренду от знати. Рядом с ними в качестве общинной верхушки действовали агенты и управляющие, которые занимались непосредственным ведением дел в феодальных имениях, где сами хозяева обычно не жили.

Уровнем ниже богатых собственников и издольщиков находилась масса бедных крестьян, выживавшая только благодаря сочетанию самых различных видов деятельности, начиная с поденного труда во время сельской страды и заканчивая участием в цикле текстильного производства (шелководство, шелкопрядение и хлопкопрядение), а также ловлей рыбы на реке По, реке Банне и в садках, широко распространенных в этой местности.

4. Таким образом, разговор о социальной стратификации не может ограничиться обсуждением вопроса о размерах собственности. Его предметом должны стать сложные семейные стратегии, на которых основывались неумолимые механизмы, предопределявшие успех или неуспех, выживание и гибель. Как и во всяком другом обществе, неопределенность в организации институтов заставляет обратиться к анализу их реального функционирования и к рассмотрению конкретных поступков людей. Против формальной сети кровных связей или союзов действовала замысловатая стратегия выбора, исключения, объединения, которая придавала гибкость семейному организму. Именно этой стратегией руководствовались бедные крестьяне XVII в. в повседневных расчетах, которые им приходилось строить на ближайшее и отдаленное будущее в условиях постоянной угрозы голода и непосильного труда. Мы только смутно можем представить себе значение, сегодня от нас ускользающее, тех общественных механизмов, которые определяли вопросы жизни и смерти: как выживать старику, уже неспособному трудиться, или бедному крестьянину в неурожайный год? Структуры семьи, защитные механизмы благотворительности и клиентелы, неосязаемая сеть дружеских связей и уз, протекции должны были дополнить картину, которую чисто экономические расчеты представляют в искаженном и пристрастном виде. Как следствие, трудно избавиться от ощущения, что многие нюансы в диапазоне социальной стратификации не формализуемы и что чувство личной идентичности в психологии нищего крестьянина основывается на представлениях о безопасности, очень слабо отраженных в дошедших до нас документах, на идее солидарности и покровительства, на всеобщих взаимосвязях, на вертикальных цепочках зависимости.

³⁵ Джорната – историческая мера обрабатываемой площади в Пьемонте, равная территории, которую можно вспахать упряжкой быков за один день. В Сантене она составляла 3810 м². – *Прим. перев.*

³⁶ ASCC, 143/1, № 86–93, *Переписи* 1682 (8 томов). Речь идет не о прямом сборе данных, а о записях, сделанных самими собственниками.

Впрочем, верно и то, что историки почти инстинктивно тяготеют к поискам надежных доказательств в виде количественных данных, типологий, упрощенных формальных моделей, в которых сопоставляются далекие друг от друга ситуации на основании сходства или различия, причины которых остаются неисследованными. Повседневная жизнь прошлого, поведение выходцев из бедноты или маргиналов в упорядоченном обществе оставили нам следы, уводящие в сторону от истины. Документальные свидетельства фиксировались сторонними чиновниками, просчитывались в целях контроля, оценивались в денежном выражении и с точки зрения выплаты налогов в рамках потребностей того мира, в котором рыночные отношения занимали далеко не главное место, регламентировались в плане сексуального и эмоционального поведения церковными властями, навязывавшими модель исправления нравов, клейменных как языческие и непристойные. Подобные материалы оставили за собой след изначально этноцентрического прочтения, которое направило современных историков на проторенный путь поиска нехитрых объяснений и единственных причин. Неоспоримый факт, что краеугольным камнем в исторических дискуссиях последних лет часто становилось схематическое упрощение, и прежде всего это относится к дискуссии об истории семьи. С одной стороны, была выдвинута гипотеза, что семья постепенно теряет функции, передаваемые внешним институтам, и все более сосредотачивается на эмоциональных привязанностях с последующим структурным переходом от большой патриархальной семьи к нукlearной семье эпохи индустриализации; с другой – тезис, что нукlearная семья всегда имела неоспоримый перевес в Европе, хотя и в разных формах. На протяжении более десяти лет в ходе дебатов об истории семьи выстраивались географические схемы, довольствующиеся функциональными и структурными определениями вместо поиска не столь механических объяснений, по-своему характеризующих каждый тип семьи и его трансформации³⁷.

Здесь я должен буду отойти от этих моделей, которые, безусловно, дают много полезных ориентиров, но выглядят некоторым анахронизмом с точки зрения расстановки приоритетов. В самом деле, разговор в них строится на упрощении, на определении семьи как места проживания, как группы, сконцентрированной вокруг домашнего очага. Конечно, такое определение пригодно, если использовать его в качестве точки отсчета для налогообложения и учета гражданского состояния: государственный и церковный контроль осуществляются строго по линии физических показателей, поддающихся проверке, и никак не затрагивают тщательно продуманных способов защиты, позволяющих уклониться от контроля. Но смогут ли извлекаемые отсюда сведения, при всей их убедительности, типологические распределения по географическим зонам, история трансформаций и диффузий дать удовлетворительный ответ на все наши вопросы?

Впрочем, изучение практики наделения приданым и наследования также не помогает прояснить контекст, в котором разрабатываются семейные стратегии: в этом случае остаются

³⁷ Я имею в виду обширную историографию, относящуюся к постановке вопроса, предложенной в книге: *Parsons T., Bales R. F. Family, Socialization and Interaction Process*. New York, 1955 (итал. пер.: Milano, 1974), но восходящей еще к социологии XIX в., в частности к Ле Пле. Критические замечания Ласлетта вызвали резкие возражения, но в целом они продемонстрировали фактическую некорректность эволюционистского подхода, утверждающего, что нукlearная семья была господствующей моделью в европейском обществе начиная уже со Средних веков (ср.: *Household and Family in Past Time / Ed. by P. Laslett, R. Wall*. Cambridge, 1972). Однако в дальнейшем изыскания по истории семьи как бы замкнулись между этими двумя полюсами, обратившись преимущественно к анализу культурных, психологических и экономических условий, региональных различий, жизненных циклов. С 1972 г. проводилось огромное множество исследований, подытоженных, например, в книгах: *Anderson M. Approaches to the History of the Western Family, 1500–1914*. London, 1980 (итал. пер.: Torino, 1982); *Goody J. The Development of the Family and Marriage in Europe*. Cambridge, 1983 (итал. пер.: Milano, 1984). Впрочем, дискуссии все время велись вокруг внутренней типологии семьи. Цепь внешних взаимоотношений, в которую семья погружена, которая на нее влияет и в которой она играет важную роль, остается вне сферы внимания. Ее изучение никак не предусмотрено в работе: *Wall R., Robi J. P., Laslett P. Family Forms in Historic Europe*. Cambridge, 1983 (частичный итал. пер.: Bologna, 1984), где, правда, уточняется географическая характеристика типологии, предложенной за десять лет до этого.

скрытыми сложные схемы материальной и психологической, эмоциональной и политической поддержки, которые часто выходили за рамки узкой группы совместно проживающих лиц.

Скорее мы можем предположить, что в значительной части изменения происходили за пределами внутренней структуры семьи, большой или нуклеарной, формально остававшейся неизменной на протяжении столетий и более или менее нечувствительной к глубоким экономическим, политическим и религиозным преобразованиям. Эти изменения нужно проследить на примере менее однородных и организованных внешних взаимоотношений между структурными семейными ядрами, в тех формах солидарности и избирательного сотрудничества, которые позволяли выживать и обогащаться; в обширной сфере оказываемых и ожидаемых услуг, сфере информационных обменов, взаимности и покровительства.

Итак, анализ семейных стратегий сантенцев обойдет стороной резидентные группы. Речь пойдет о семье в смысле группы лиц, не живущих вместе, но связанных узами кровного родства или образующих альянсы и псевдородственные объединения, которые встраиваются в смутную институциональную реальность Старого режима в виде стержня, скреплявшего социальные связи перед лицом житейской неопределенности, хотя бы на уровне небольшого местечка.

Рассказанные ниже семейные истории, основанные почти исключительно на сведениях, полученных из нотариальных актов, не представляют из себя реконструкцию стандартных ситуаций, а выявляют компоненты, составляющие некую модель. Итак, я рассмотрю три истории издольщиков, образующих, как мы увидим, социальную группу, в которой наиболее простым и законченным способом реализуются стратегические приемы, лежащие в основе поведения и системы ценностей всех сантенцев в конце XVII в. Использование этой модели в более широких или более узких рамках, ее вариации, большая или меньшая возможность выбора – все это приводит к различиям в практике тех или иных социальных групп и слоев, что не отменяет ее полного и всестороннего соответствия правилам поведения семей издольщиков. Их основу вновь составляют поиски защищенности, при которых сохранение статуса и его передача из поколения в поколение являются не самоцелью, а обязательной предпосылкой поведения, обеспечивающего владение информацией и управление природной и социальной средой.

5. Джован Баттиста Перроне женился на Лючии сразу после эпидемии чумы 1630 г. У них было много детей, но до нас дошли сведения только о семи, которые пережили родителей: Франческа и шесть сыновей. Джован Баттиста умер относительно молодым и, по всей вероятности (я не нашел его завещания), поставил условием для получения наследства совместное хозяйство детей при главенстве старшего сына, Джован Доменико, родившегося в 1631 г. Джован Доменико стал для братьев непререкаемым авторитетом, «поскольку мы относились к нему, – скажет Секондо, четвертый сын, в одном из нотариальных актов, – как обычно относятся к отцу»³⁸. Однако неделимость с точки зрения наследования не означает – ни в этом, ни в других случаях, когда речь идет о семьях арендаторов нашей зоны, – проживания под одной крышей, поскольку смысл экономической стратегии этой кровнородственной группы заключается как раз в разделении очагов по производственным единицам. Они были привязаны к двум фермам: Секондо и Бернардино к «Виньяссо» маркиза Бальбиано, где издольщиком был отец; Джован Доменико и Джоаккино к «Бролье» – это имя хозяев – они заключили контракт еще при жизни отца. Два других брата, Антонио и Джованни, только преодолевшие тридцатилетний рубеж, в 1678 г. подверглись уголовному преследованию вместе с племянником Джован Баттистой – видимо, они совершили какое-то тяжелое насильственное преступление, документы о котором до нас не дошли, но оно «навлекло на них опалу государя из-за деяния, в коем их обвинили»³⁹. Таким образом, они были отлучены от доли в общем имуществе

---

³⁸ ASCC, Регистрация, *Сантена*, vol. 3, с. 188, *Завещание второго Перроне из Сантены*, 23 ноября 1678 г.

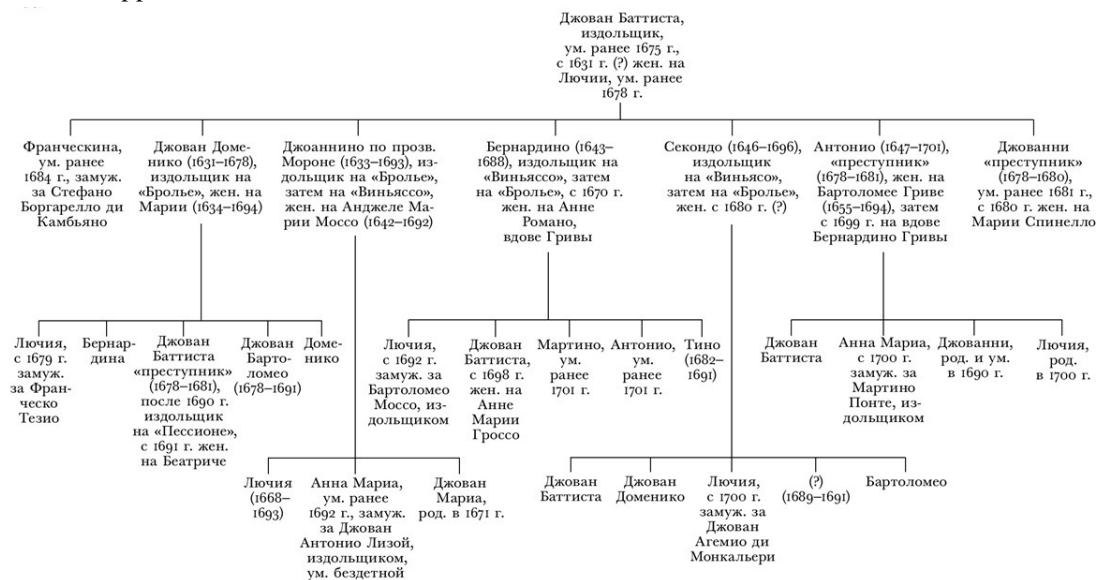
³⁹ Ibid.

во избежание обычной в подобных случаях конфискации, которая нанесла бы ущерб неделимому достоянию группы. В дальнейшем они находились в бегах и, вероятно, скрывались от правосудия, причем Джованни, который тем временем женился на Марии Спинелло, также уроженке Сантены, вскоре умер.

1678 г. был чрезвычайно тяжелым для семьи и вследствие других событий. 14 ноября неожиданно – как записано в приходской книге – в возрасте всего сорока семи лет скончался Джован Доменико; он едва успел уладить дела, чтобы избежать потери имущества в результате конфискации и, скорее всего, позаботился о помощи сыну и братьям в их неприкаянном положении. Он оставил завещание, в котором определенно запретил детям делить имущество до достижения всеми двадцати двух лет. Если бы кто-то захотел отделиться раньше, наследства бы он не получил. У него было три сына и две дочери, опекать которых было поручено дяде Джоаннино по прозвищу Мороне, новому главе семьи.

Итак, 1678 г. стал сложным поворотным пунктом в истории семьи: утрата взрослого мужчины не могла быть восполнена за счет других ее членов, преследуемых правосудием; наем слуги также не являлся выходом из затруднения. Как следствие, заключается новый контракт с собственниками: Бернардино и Секондо переходят на «Бролью», более крупный участок, а Джоаннино с сыновьями и племянниками получает «Виньяссо». Общеизвестный и признанный профессиональный опыт, встроенность в политические и корпоративные связи в коммуне, вес, который они приобрели, неоднократно выступая в качестве распорядителей в ассоциации Тела Христова, придали им, по всей видимости, достаточную правоспособность, так что проступки, совершенные родственниками, не могли ей повредить. Впрочем, всего через три года, в 1681-м, Антонио и его племянник Джован Баттиста получили прощение и смогли вернуться домой.

Семья Перроне

Антонио, естественно, не участвовал в разделе между братьями, но это было, как мы уже сказали, ухищрение, предназначенное для посторонних, и его восстановление в правах собственности, по-видимому, не встретило никаких препятствий. Более того, он получил значительную долю имущества, постепенно приобретенного семьей до того и во время того, как Антонио скрывался от правосудия. Семейные проблемы никак не замедлили покупку собственности, которая, судя по всему, была важнейшей задачей в стратегии семьи Перроне: только за период 1675–1681 гг., который, безусловно, не был для нее самым спокойным, была

приобретена небольшая ферма с гумном и огородом, а также более 3 джорнат земли у пяти разных крестьян из Сантены и Камбьяно за 868 лир. Они прибавились к 5 джорнатам альтен, записанных Джован Доменико на свое имя в кадастре Вилластеллоне, к 6,62 джорнаты, которыми братья пользовались совместно только на территории Кьери и Сантены, и к другим землям – я не смог уточнить их местоположение, но об их наличии свидетельствуют данные нотариальных актов, где Перроне упоминаются в качестве владельцев собственности, граничившей с чужими продаваемыми или покупаемыми участками.

К своему возвращению Антонио стал относительно богат: после 1685 г. и трех покупок он получил – за четыре года – 3 с половиной джорнаты и стал жить в небольшой ферме Тетти-Джирб, доставшейся ему в результате нового раздела, не оформлявшегося у нотариуса. Антонио всегда оставался независимым собственником и не входил в разряд издольщиков.

До 1689 г. братья Перроне на разных началах, коллективном и индивидуальном, приобрели еще не менее 9 джорнат, которыми управлял Антонио, либо поставляя фермам дополнительную рабочую силу, либо принимая избыточные рабочие руки из семей братьев-арендаторов. Однако в 1688 г. в возрасте сорока пяти лет умирает Бернардино; и на сей раз, как только истек срок контрактов, происходит обмен фермами, с методичностью, подчеркивающей структурность сложной стратегии Перроне. В 1690 г., когда составлялись списки по налогам на соль, у Джоаккино в «Бролье» было 11 взрослых ртов и 2 пары волов (он платил за них целых 48,10 лиры в год); Секондо с 8 взрослыми ртами и 3 волами в «Виньяссо» выплачивал 30,10 лиры. Антонио платил всего за 3 рта, и у него не было скотины⁴⁰.

Итак, мы добрались до 1690-х гг. Это ключевое время для истории Джован Баттисты Кьезы, период тяжелого кризиса: война, неурожай, непогода шесть лет подряд обрушиваются на деревню. Семья Перроне рискует распасться: в 1693 г. умирает Джоаннино, в 1694 г., не достигнув сорока, при родах гибнет жена Антонио, в 1696 г. скончался Секондо. Антонио, последний представитель старшего поколения, становится главой семьи и должен прокормить много ртов, за исключением Джован Баттисты, старшего племянника, сына Джован Доменико, который становится издольщиком на ферме «Пессионе» генерального инспектора финансов Гараньо. Прежние издольные контракты семьи оказались утрачены, возможно, потому, что распад демографической структуры вышел за рамки, допустимые при избранной стратегии. Всем сыновьям и племянникам с трудом удастся обрабатывать принадлежащие семье земли, унаследованные или приобретенные, и тем самым выживать, но свою роль с этой точки зрения мужчины выполняют хорошо: Антонио заявляет о наличии 10 взрослых ртов⁴¹. Между 1689 и 1698 гг. приобретений не зафиксировано, напротив, за 250 лир было продано полторы джорнаты земли, и только в 1700 г. снова куплена одна джорната за 220 лир.

Когда в 1701 г. умирает Антонио, у него остается шесть взрослых племянников; трое его малолетних сыновей поступают под опеку нового главы семьи Джован Баттисты, старшего из племянников, который к этому времени снова стал издольщиком. Семья встречает новый век, еще раз укрепляя нерушимые связи между собственностью на землю и издольщиной и готовясь на новом витке возобновить ту стратегию, которая позволила ей выжить в течение тяжелого предшествующего десятилетия.

Таков хронологический порядок событий. Восстановление истории семьи с помощью не слишком красноречивых документов вроде завещаний и договоров купли-продажи столь же увлекательно, как и разгадывание головоломки: постепенно вскрывающиеся совпадения и связи вызывают чувство удовлетворения – возможно, для читателя неочевидное. Как бы то ни было, благодаря повседневному подробностям семейной жизни можно осветить существенные черты логики социальных действий при Старом режиме.

---

⁴⁰ ASCC, *Тетрадь с перечнем ртов и платы за использование скота за 1690 г.*

⁴¹ Ibid (1698 г.).

Трудность типологического обобщения описанных способов поведения вытекает ровно из того факта, что используемые конкретные формы организации не разрабатываются заранее вне общей схемы мышления, обуславливающей цели и ожидания. Это относительно гибкие формы, которые приспосабливаются к ситуациям, возникающим в ходе развития жизненных циклов, в результате действия внешних политических и экономических событий, самых неожиданных происшествий. Описываемое общество, как и любое другое, состоит из индивидов, сознающих долю непредсказуемости при планировании любого типа поведения. Неуверенность вытекает не только из сложности предвидения будущего, но и из неизменного понимания ограниченности информации о силах, действующих в данной социальной среде. Нельзя сказать, однако, что перед нами общество, парализованное нерешительностью, чуждающееся всякого риска, пассивное, замкнувшееся в незыблемых ценностях самозащиты. Совершенствование прогнозов ради повышения безопасности является мощным стимулом технического, психологического, социального обновления, а выбор стратегии, примеры которого предоставляет семья Перроне, входит в арсенал приемов, призванных управлять средой⁴².

Индивид, принимающий решения с определенным расчетом полезности, делающий выбор в рамках некоего набора альтернатив, обладающий устойчивым представлением о распределении вероятностей по каждой совокупности будущих событий и максимизирующий ожидаемое значение, – это в большой степени теоретическая фикция даже для современного общества. Однако именно этот образ человека совершенно рационального, психологически единообразного, готового прилагать максимум усилий, всегда не равнодушного к экономическим стимулам, во всеоружии данных, которые служат ему для действий, лишённого социальных связей и памяти породил противоположный этноцентрический образ крестьянина Старого режима, подвластного стихиям, традиции, нестабильности, неспособного на активные и продуманные поступки. Середины между понятой таким образом рациональностью и полной пассивностью животного не существует. Жесткое ограничение истории семьи ее *внутренней* историей также является производным от этого образа человека Старого режима, особенно крестьянина, – всецело подчиняющегося велениям природы и общественных институтов: «Приход, – говорил Тюрго, – представляет собой скопление хижин и не более деятельных, чем эти хижины, жителей»⁴³.

Ментальный мир, внутри которого развернулась проповедь Къезы, был миром общества в поисках безопасности: экономическое благополучие служило целью, подчиненной расширению и укреплению социальных связей, на которых основывались те же возможности выживания. Именно в этом контексте приобретают значение формы объединения семей как стратегический элемент достижения безопасности. Очевидно, что эти отношения строятся прежде всего на кровном родстве и альянсах, но эта сфера предпочтений может быть расширена или сокращена, в ней существуют варианты выбора и иерархические структуры. Хотя именно неопределенность порождает нормы, позволяющие всем прогнозировать поведение каждого человека, сама сложность прогнозирования придает этим нормам гибкость, неоднозначность, необходимость непрерывного приспособления.

С этой точки зрения можно еще раз рассмотреть некоторые важные характеристики деятельности братьев Перроне. Прежде всего, это строгая эндогамия, в рамках которой альянсы

⁴² Я хочу подчеркнуть существенное отличие этой интерпретации от некоторых недавних высказываний в неоклассическом духе, которые исходят из анахронистического представления о рациональном хозяйствующем человеке, который избегает инноваций потому, что при аграрной докапиталистической экономике предпочтительно не идти на связанный с ними риск. Типичная работа такого рода: *McCloskey D. N. English Open Fields as Behavior towards Risk // Research in Economic History: An Annual Compilation of Research. Vol. I (1976). P. 124–170.* Из истории семьи Перроне, на мой взгляд, следует, что они использовали сложную стратегию, в которой осторожность и диверсификация деятельности не исключали предпринимательской инициативы.

⁴³ Цит. по: *Tocqueville A. de. L'Ancien Régime et la Révolution. Vol. I. Paris, 1952. P. 121 [Токвиль А. де. Старый Порядок и революция / Пер. с франц. М. Федоровой. М., 1997. С. 44–45. – Прим. ред.]*.

заклучались или поддерживались преимущественно с другими семьями издольщиков данной зоны, в частности Лиза и Моссо. Объяснения рискуют оказаться слишком шаблонными: проживание в арендуемых хозяйствах, в стороне от деревень, где часто селились мелкие собственники, создавало условия для групповой солидарности между фермами, где нередко обитало по несколько семей издольщиков с общим двором. Однако соперничество при заключении контрактов, сложные комбинации с сохранением семейной собственности и получением аренды противоречат такому простому прочтению, не говоря уже об общественном престиже, который заставлял рассматривать вступление в родство с мелкими собственниками, балансировавшими между потреблением и наемным трудом, между выживанием и голодом, как утрату положения по социальной шкале и понижение статуса, если не удавалось или не было намерения взять хозяйство в аренду, дабы дифференцировать виды своей деятельности. Большое сходство между издольщиками не подлежит сомнению в силу общих условий существования, культуры, принадлежности к одним и тем же религиозным ассоциациям, из-за постоянной зависимости от знатных семейств и их агентов, но и клиентских отношений с ними, по причине частых посещений города ради доставки господской части продуктов; из-за самой аграрной технологии, различавшейся в зависимости от размеров обрабатываемого участка, от качества смешанной разбивки участков и от наличия более или менее пригодных орудий и скота. В целом эта группа характеризовалась больше договорами на аренду, чем собственностью – и, таким образом, большей открытостью для социально экзогамных браков.

Отлучение женщин от наследования вполне определено: они не только не получают земли по завещанию или в приданое, но и вообще передаваемые и выплачиваемые в этой группе приданные, по всей видимости, никак не связаны с уровнем богатства: они колеблются между 100 и 200 лир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.